

Василий
Тарков

Не на
совести

16+

Василий Боярков

Не по совести

«Автор»

2020

Боярков В.

Не по совести / В. Боярков — «Автор», 2020

ISBN 978-5-532-93585-3

Шестилетнюю Диану сбивает внедорожник, которым управляет безнравственная, самовлюблённая фифа. Виновная мерзавка оставляет бездыханную девочку лежать на асфальте, а сама стремительно уезжает. Несмотря на опасную, едва ли не смертельную травму, несчастная малышка не погибает, а ее успевают доставить в больницу. Однако! Чтобы ее реанимировать, требуется провести переливание крови, но у обоих родителей резус-фактор и группа не совпадают. Встаёт два серьезных вопроса: кто является ей настоящим отцом и смогут ли спасти жизнь маленькой девочки? Счёт идет на минуты...

ISBN 978-5-532-93585-3

© Боярков В., 2020

© Автор, 2020

Содержание

Пролог	5
Часть первая. Кто же является Диане настоящим отцом?	11
Глава I. Нежданные гости	11
Глава II. В квартире Тагиевых	16
Глава III. Костя-киллер выходит на дело	21
Глава IV. Признание	26
Глава V. Жуткое положение	31
Глава VI. Знакомство с родителями	36
Глава VII. Окончание ночных откровений	41
Глава VIII. Неприятные размышления	46
Глава IX. Отчаянная битва	51
Глава X. Новый возлюбленный	56
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Василий Боярков

Не по совести

Пролог

В последний четверг тёплого, погожего мая 2019 года по одному из проспектов Иваново, именуемого в народе как город-невест, разрывая воздушное пространство пронзительными сиренами, пронёсся реанимационный автомобиль; он устремился к детской травматологии, расположенной на улице Любимова, дом номер семь. В салоне давно уж не новенькой «газели», предназначенной для экстренной транспортировки тяжёлых больных, лежит шестилетняя кроха, ни жестом, ни выражением не подающая признаков жизни.

Выглядит она как обыкновенный ребёнок, достигший дошкольного возраста: рост чуть более метра; вес как у лёгкой пушинки; худощавое телосложение без признаков лишнего веса. Красивое, милое личико в основном представлено круглой формой, но и не лишено едва заметной продолговатости (в тревожный, трагический миг оно неестественно бледное); носик маленький – на конце, как изящная пуговка; небольшие тонкие губы плотно прижаты друг к другу (они бесцветны, словно полностью утратили жизненную окраску); белокурые волосы заплетены в две аккуратненькие косички, перехваченные пышными цветными резинками; круглые ровные ушки не выделяются ни единым, хотя бы малейшим, изъёмом.

Над бесчувственной девчужкой склонилась молодая, симпатичная женщина-фельдшер, одетая в спецодежду работников экстренной службы. Разомкнув безвольные веки, она напряжённо изучает прекрасные глазки, поистине бездонные и ослепительно голубые. Подсвечивая миниатюрным фонариком, ответственная сотрудница пытается отыскать в них хоть малейшие проявления жизни. Однако маленькая пациентка нисколько не реагирует: остановившийся взгляд безжизненно замер. Из телесных повреждений у бесчувственной малютки выявлен закрытый перелом нескольких задних ребер; они загнулись вовнутрь миниатюрного тельца и пронзили правое легкое. К великому ужасу, нарушилось размеренное дыхание и образовалось незначительное кровотечение внутренней полости.

Но что же стало действительной причиной бессознательного состояния милой малышки?

Одним часом раньше Холод Диана Андреевна (именно такое имя носит девочка, безвольно лежащая на кушетке) гуляла возле пятиэтажного дома, расположенного в районе, в простонародье прозываемого Рабочим посёлком. Так получилось, в момент чудовищной катастрофы никого из родителей не было рядом: отец, Холод Андрей Вячеславович (полицейский, состоявший в должности оперуполномоченного) находился на повседневной службе; мать, Холод Азми́ра Рина́товна (она только-только закончила дневную смену и попутно забрала дочурку из детского садика) разрешила ей одной погулять во дворе (что в общем-то не было той в диковинку), сама же отправилась в собственную трехкомнатную квартиру, чтобы заняться хозяйственными делами, в частности приготовлением вкусного ужина.

Итак, Диана осталась без заботливого присмотра и стала бесцельно бегать по узкой автомобильной дороге, используемой как подъездные пути и способной вместить не больше одной машины за раз. Транспортных средств перед многоквартирным домом ставили мало, поэтому на всём непродолжительном протяжении не осуществлялось (обычно!) никакого движения. Основная трасса находилась несколько в стороне, и редкий случай – когда кто-то сбивался с основного пути и избирал придомовой участок для дальнейшего продвижения. Словно по какому-то роковому стечению обстоятельств, именно так случилось в тот тёплый весенний вечер, когда одна московская фифа, прибывшая в провинциальный город на встречу с богатым любовником, полностью положила на бортовой навигатор. Следуя планомерным подсказкам,

она проехала на новеньком внедорожнике, оснащённом высокой посадкой, радикально неправильным курсом. Огорчительную ошибку она заметила лишь после того, как свернула совсем не в тот попутный проулок; только в нём столичная гостя смогла убедиться, что стала невольной заложницей досадной оплошности, – электронный указатель пути, выставив повторную траекторию, показывал всецело обратное направление. Молодая и (честно признаться) сказочно красивая девушка, она едва достигла возраста двадцати пяти лет; почти неземная привлекательность подчёркивалась нанесённой на смазливую мордашку яркой косметикой (она успешно скрывала неприятную тень недовольства, проявившегося, едва-едва обнаружилось, что существенно отдалилась от намеченного городского маршрута). С чопорным недовольством столичная дамочка резко остановилась и начала разбираться в электронном путеводителе, мысленно пытаясь понять: почему он (такой-«рассякой»!) допустил неприемлемую, не отмечавшуюся раньше, неточность?

Как раз её незначительная заминка и послужила уставшей матери тем ободряющим сигналом, позволившим посчитать, что вокруг вроде бы всё спокойно. Руководствуясь видимой безмятежностью, она и ушла, не обратив повышенного внимания на массивную легковую машину, одиноко застывшую возле дальнего углового подъезда. Всего через пару недолгих мгновений непростительная опрометчивость отозвалась жестокой, воистину ужасной, трагедией... Не успела беспечная девушка подняться на третий этаж, где размещалась принадлежавшая им трёхкомнатная квартира, как услышала жуткий звук, обозначивший жёсткое столкновение с человеческим телом и сопровождавшийся характерным треском лопнувшей пластической массы. А ещё! Прозвучал детский болезненный вскрик, какой мог случиться только у единственного человека на всём белом свете – её маленькой, миленькой дочери.

Молодую Азмиру словно окатили холодной водой – до такой степени сжалось объётое паникой материнское сердце. Оно готовилось разом остановиться, а похолодевшее тело сковало неведомой силой, превратившей его в одну большую «ледышку». На доли секунды она замерла, оказавшись не в силах сдвинуться с места... но буквально через мгновение, «растопленная» бесконечной любовью и сильной душевной болью, Холод стремительно кинулась вниз, любимыми путями намереваясь спасти крохотную дорогую дочурку.

Но что же с той приключилось?

Исправив возникшие недочёты и повторно введя нужный ивановский адрес, бездумная незнакомка построила истинный путь и, не оглядываясь назад (даже не используя машинные зеркала!), нетерпеливо включила заднюю передачу; следом резко нажала на топливный газ. Верный прямому предназначению, автомобиль по-быстрому набрал приличное ускорение, а двигаясь задом, помчался прямо навстречу спокойно игравшей беззаботной малютке. Внезапно! Безответственная красавица почувствовала сильный удар, способный обозначить разве единственное – неосмотрительный наезд на праздного пешехода; неотвратимые домыслы подтверждались громким вскриком детского голоса. «Пошли вы «на хер», «грязные нищелюды»! Нечего лезть под колеса!» – высказалась она про себя и, не останавливаясь посмотреть, что же на самом деле случилось, кинулась впопыхах удирать, как можно быстрее скрываясь со страшного происшествия.

Немногим раньше Диана, видя, как на нее, следуя на бешеной скорости, мчит большая машина, пронзительно закричала, а уже в следующий миг получала сильнейший удар, направленный пластическим бампером по хрупкому туловищу. Толчок оказался настолько болезненным и одновременно губительным, что миниатюрная девчушка практически сразу же (еще до падения) потеряла сознание и безвольно завалилась на придомовую автодорогу. Упала она (если можно так выразиться?) довольно удачно и очутилась под завышенным клиренсом, не попавшая под крутившиеся колеса и дополнительно ничем не задетая. Но! Сломанных ребер стало более чем достаточно, чтобы погрузить шестилетнюю малышку в одно из самых глубоких бессознательных состояний.

Ошеломлённая мать выбежала к трагическому финалу, когда сбитая дочка, находясь в глубочайшем обмороке, в полном одиночестве лежала посередине неширокой дороги и ни словом ни жестом не подавала признаков жизни. В тот драматический час взгляд несчастной матери, обычно самоуверенный, а где-то и нагловатый, не передавал ничего иного, а лишь неподдельный ужас и панический страх невосполнимой утраты.

Молодая девушка, достигшая двадцатилетнего возраста, она имела превосходное, стройное тело, без видимого изъяна, и выделялась следующими отличительными чертами: невысокий рост больше стремился к среднему; упругая грудь выглядела роскошной и скрывалась за разноцветной майкой, отливавшей чудесной серебряной вышивкой; узкая талия отлично подчеркивалась синими джинсами, украшенные модными потёртостями и прилежавшими плотно, в тугую обтяжку; прямые красивые ноги смотрелись шикарно и обувались в узкие туфли-лодочки, обозначенные невысоким, изящно обточенным каблуком. Привлекательное лицо?.. Если выразиться бесподобно прекрасное – это значит не передать совсем ничего! Оно выглядело таким очаровательно восхитительным, что невольно приковывало взгляд любого, кто мог его только видеть. Отмечалось неповторимыми характерными признаками: тёмно-карие глаза казались слегка зауженными, но в основном имели привычную форму; обода век, украшенные неяркой косметикой, обозначались длинными, естественными ресницами, чуть загнутыми кверху и слегка затушёванными; прямой, едва ли не идеальный нос смотрелся словно точёным; божественные уста напоминали (сочным оттенком) молодые кораллы и не требовали броской помады; смуглая гладкая кожа выдавала этническую принадлежность к татарской национальности (что соответствовало действительности, так как родной отец её был чистокровным выходцем Татарстана); маленькие уши немножко отстояли по разные стороны, но настолько незначительно, насколько ничуть не портили общего прелестного вида; иссиня-чёрные волосы, длинные и пышные, собирались сзади в своеобразный «хвост», перетянутый красивой резинкой, – вот такой исключительной внешностью обладала восхитительная брюнетка, выбежавшая на улицу и устремившаяся к лежавшей без движения маленькой дочери.

Опустившись перед ней на оба колена, она склонилась, горемычная, вниз, обхватив миленькими ладошками дорогое хрупкое тельце. Прижав белокурую головку к несравненной груди, Азми́ра разразилась безудержным плачем, сопровождавшимся громкими вскриками. Словно большие бриллианты, катились крупные слезы по обеим щекам; они падали на бездвижную дочку, как будто, окропляемая живительной влагой, она бы вернулась в сознание. Странное дело, неожиданно Холод погрузилась в какое-то неопределённое состояние беспросветного забытья, полностью отстранившись от окружавшего мира и точно бы позабыв обо всем на свете, – она даже не держала в растревоженных мыслях, что бесчувственного ребенка нужно срочно спасать и вызывать на место происшествия квалифицированную медицинскую службу. Несчастливая мать так бы и продолжала стелать, ни на что иное не обращая внимания, если бы не проходившие мимо соседи... как раз они-то и додумались позвонить по «ноль три» и направить к месту страшной трагедии неотложную скорую помощь.

Видавшая виды реанимационная «газель» приехала на удивление быстро, создав у окружающих людей впечатление, что она стояла за ближайшим углом и ожидала там именно этого сложного вызова. Раненую девочку еле-еле получилось оторвать от страдавшей родительницы, а следом в спешном порядке погрузить на передвижные носилки, установленные в заднем салоне больничной машины. Первым делом Диане поставили капельницу, после чего тут же отравились в путь. Несчастливая мать? Она ни в коем случае не захотела расставаться с маленькой девочкой и напросилась внутрь «скорой помощи», чтобы непременно сопровождать безвольную малышку и чтобы проследовать с ней вплоть до областного травм-пункта. В жуткий, по сути критический, миг дежурная фельдшер (даже если бы и сильно желала?) все равно никак бы не посмела ей отказать, и Азми́ра, продолжавшая биться в бурной истерике, залезла в передвижную реанимацию. Далее, на полной скорости, какую позволяли развить водительское

мастерство и номинальная мощность потрёпанной в многочисленных поездках больничной машины, медицинские спасатели, пострадавший ребенок и безутешная мать погнали в главную областную травматологию, основным направлением которой являлось срочное обслуживание получивших телесные повреждения несовершеннолетних детей.

Весь долгий путь, показавшийся нескончаемой вечностью, занял чуть более сорока минут, и наконец-таки безжизненную малютку доставили в лечебное заведение, где ей смогли бы оказать достойную медицинскую помощь. Не отключая лекарственной капельницы, раненую девочку переместили на улицу и быстрым шагом покатали колёсные носилки к хирургическим отделениям. Холод все это время семенила рядом с профессиональным медперсоналом, намереваясь следовать напрямую до операционной палаты. Однако не успели они приблизиться к хирургической территории, а нежелательный путь преградил дежурный доктор, достигший пожилого возраста и одетый в специальный служебный халат, отличавшийся синим оттенком. Тонком, не терпевшим никаких возражений, он строго распорядился:

– Дальше нельзя!.. Ей будут делать сложную операцию – посторонним вход воспрещен!

– Но там моя дочь!!! – в безутешной истерике кричала Азмира, не в силах расстаться с безвольным ребенком. – Пустите! – набросилась она с кулаками на непримиримого медработника, с грозным видом преградившего ей дорогу. – Вы не имеете права! Я все равно буду с миленькой дочкой, даже если мне самой придется здесь умереть! Вы не понимаете, как же мне она дорога?!

Рослый врач казался выше «развоевавшейся» девушки чуть-чуть не на целую голову, виделся много шире в плечах и гораздо физически развитей, а его суровое вытянутое лицо не выражало никаких эмоциональных переживаний (он давно уже привык к пламенному изъяснению материнского горя и ничем не выдавал терзавших волнений); но, даже несмотря на значимые внешние габариты, а заодно и внешне спокойное выражение, ему с огромным трудом удавалось сдерживать отчаявшуюся мамашу, неотвратимо рвавшуюся к бесчувственной дочери. В сложившейся ситуации ему просто не оставалось другого выхода, как вызвать охранную службу, чтобы устранить стенающую Холод от операционного помещения. И только с прибытием двух здоровенных охранников ответственный доктор получил реальный шанс отправиться приступать к основному делу, направленному на непосредственное спасение жизни маленькой пострадавшей.

В то же самое время, пока Азмира никак не умела справиться с нахлынувшими на нее неукротимыми чувствами, ее муж, Холод Андрей, находился на полицейской службе. По скорбному звонку, поступившему от ближних соседей, к великому горю, выяснил, какое с любимой дочерью, непоправимое, случилось несчастье.

Молодой двадцатисемилетний мужчина, ростом он виделся выше среднего, а разница, существовавшая между ним и супругой, на первый взгляд казалась значительной. Широкие плечи, мощный, атлетический торс, не лишённый развитой силы, мускулистые руки – всё говорило, что натренированный человек не забывает посещать спортивные залы, где, кроме подъема тяжестей, большее предпочтение отдает усердным занятиям, направленным на плодотворное освоение боевых искусств и рукопашного боя. Скуластое, привлекательно лицо (в настоящий момент выделялось периодически ходившими желваками) выдавало деятельного сотрудника (в обыденной жизни он представлял офицера, достигшего чина капитана полиции, недавно получившего новое звание), обладавшего аналитическим разумом (в основном выражавшим неимпульсивные, уравновешенные, благочестивые мысли) и отличавшегося характером, скорее, доброжелательным, нежели чем враждебным. Теперь следует выделить следующие особенные черты: серые глаза излучали высокую умственную активность, непоколебимую решимость и удивительное бесстрашие; вздёрнутый нос наблюдался массивным и сообщал об общей суровой мужественности; широкие губы, почти всегда плотно сжатые, выдавали излишнюю сосредоточенность и скрытую властность; равномерные уши смотрелись большими

и передавали страстную, не исключавшую жуткую ревность, натуру; светло-русые волосы укладывались аккуратной короткой стрижкой, сведённой к правому боку, – вот таким человеком, где-то симпатичным, а в чём-то и темпераментным, представлялся отец чудесной малышки, невольно оказавшейся в прискорбной, крайне драматической, ситуации.

Возвращаясь к моменту, когда поступило трагическое известие, следует уточнить, что, как и обычно, ивановский оперативник находился в служебном кабинете и, встревоженный непонятым предчувствием, ожидал обычного вечернего совещания. В силу занимаемой должности, он облачался в гражданское одеяние, состоявшее из черной футболки и однотипных, как у супруги, вытертых джинсов; на сильных ногах отмечались удобные кроссовки тёмно-синего цвета. Когда поступил прискорбный телефонный звонок, сообщавший об ужасной трагедии, взволнованный офицер, сразу сообразивший, откуда у него взялось тревожное чувство, незамедлительно бросил все будущие дела; он едва успел предупредить второго напарника о серьёзной причине вынужденного отсутствия и кинулся в городскую больницу, где отчаянно боролась за жизнь его шестилетняя доченька. Обезумевший отец, он добрался на другой конец города сравнительно быстро и как ураганный ветер влетел в приёмное помещение детской травматологии! Здесь... как раз в тот самый момент тащили к главному выходу его молодую, словно обезумевшую супругу, не помнившую себя от несказанного горя. Она билась в неумной истерике и, угрожая дьявольскими проклятиями, пыталась вырваться из цепких объятий массивных охранников, беспрестанно колотя их нежными, миленькими ладошками и остервенело пиная несравненными ножками. Еще ополоумевшая девушка не забывала хорошенько материться и истошным ором выкрикивать:

– Отпустите, «...мать вашу», лютые нелюди! Там моя девочка! Она умирает!

Совместными усилиями, наперебой, ответственные сотрудники, собравшиеся вокруг, пытались Азмиру хоть как-нибудь успокоить и вернуть ее к реальной действительности. Но! Она точно не понимала, что вокруг неё происходит, а объятая паническим настроением, выпучив заплаканные глаза и отобразив остекленевшее выражение, ничего не воспринимала нормально. Кареглазое лицо трансформировалось до необычной, если не озверевшей степени, будто в нее вселился сам Сатана и будто он придавал ей сейчас потусторонние очертания; по побелевшим щекам градом струились бесконечные слезы, катившиеся сверкавшими «алмазами» и создававшие впечатление, что множественный запас их вообще никогда не иссякнет.

Отличаясь более сильной натурой, Андрей бросился на действительную подмогу, крайне необходимую блюстителям правопорядка. Схватив осатаневшую супругу за милые плечи, он принялся энергично встряхивать, пытаясь возвратить страдающей девушке здравый рассудок, на какое-то время всецело утраченный. Впрочем, она ничего, что происходило вокруг, не слышала, нормально не понимала или просто-напросто (что наиболее вероятно!) не желала воспринимать. В наиболее напряжённый момент с хирургических отделений спустилась молодая санитарка, громким, резанувшим ухо, криком сумевшая сначала насторожить, а затем и привлечь самое пристальное внимание:

– Кто здесь родственники раненой Холод?

– Мы, – отвечал полицейский, продолжая удерживать буянящую жену, – а что, ей лучше уже?

– Нет, – спокойно отвечала исполнительная сотрудница, – ей требуется срочное переливание крови. Но?.. Так случилось, что у нее оказалась первая группа, а у нас, к несчастью, закончились все сделанные запасы. Дорогие родители, вся надежда осталась только на вас: в настоящем случае вливается лишь полностью идентичная... Итак, кто из вас станет донором? Уточню: внутривенное вливание нужно сделать как можно быстрее.

Молодой офицер прекрасно знал, что его кровь относится к третьей группе, а у Азмиры была вторая (второй факт он успел выяснить во время преждевременных родов, случившихся года четыре назад, когда проводилась аналогичная процедура и когда печальным итогом стала

внезапная потеря несформировавшегося зародыша). Страшные подозрения стали терзать растерянного мужчину... получалось, что кровь его родной дочери не соответствует никому из родителей – но такое ведь невозможно!

– Чья это дочь?! – что есть силы заорал взбудораженный офицер, не обращая внимания на стоявших подле посторонних людей. – Кто ее настоящий отец?! Вспоминай, развратная шлюха!.. От скорости твоих размышлений зависит жизнь нашей маленькой девочки!.. – И не закончив до конца грубой фразы, полностью потеряв душевный контроль, наотмашь ударил неверную жену по перекошенному лицу.

Часть первая. Кто же является Диане настоящим отцом?

Глава I. Нежданные гости

Семью годами ранее. Тагйева Азми́ра Рина́товна выросла в неблагополучной, сильно пившей, семье: мать ее, русская, имела неуёмную склонность злоупотреблять горячительными напитками, как, впрочем, и татарин-отец; оба они нигде не работали, перебиваясь либо случайными заработками, либо кто чего не подаст. С шестнадцати лет, чтобы прокормить и себя саму и непутёвых родителей, опустившихся до «крайнего плинтуса» (нижнего социального статуса), молоденькой барышне пришлось продавать бесподобное юное тело. К восемнадцати годам развратная красавица всюю пользовалась повышенным спросом и являлась востребованной среди лиц, более или менее состоятельных; она плавно перешла из низкосортного разряда обыкновенных, уличных «шлюх» в элитный класс дорогих, престижных «индивидуалок-путан». Ничтожная мать, однажды опившись до «белкиных чёртиков», не смогла благополучно выбраться из «белой горячки» – она прямёхонько отправилась на вечное поселение, уготованное на окраинном Ба́линском кладбище. Утратив безотказную «собутельницу», отец принялся горевать по ее скоропостижной кончине сильнее обычного и уже совсем не выходил из захламлённой коммунальной квартиры. Не забывал он, однако, заставлять предприимчивую дочку ежедневно покупать ему и утреннюю опохмелку, и вечернюю выпивку, приводящую опущенного мужчину к беспробудному и каждодневному пьянству.

– Эй, грязная шалава! – кричал он ей всякий раз, как только она переступала порог их общего дома. – Принесла ли мне, «зря гнить», чего полечиться? Если нет, тогда иди-ка ты, «на хер», отсюда!

Их престарелая соседка, занимавшая две другие комнаты хотя и просторной, но все-таки коммунальной квартиры, являлась бабушкой «божием одуванчиком»; её запредельная планка прожитых лет давненько перевалила почтенную отметку восьмидесяти пяти. Ариста́рхова Елизавета Ивановна (так звали ничуть не миленькую старушку) отмечалась непривлекательными чертами: костлявое телосложение выглядело излишне худосочным (создавалось невольное впечатление, что оно высохло, подвергаясь многолетним потрясениям и злачным невзгодам); на морщинистом лице выпирали челюстные угловатые скулы, само же оно обтягивалось неприятной, насухо высохшей кожей; белёсые глаза давно ввалились вовнутрь и уподобились каким-то стеклянным, едва-едва выделяясь чуть заметным зрачком (вызывало немалое удивление, как она с их помощью умудряется видеть); нос смотрелся большим, а к концу заострённым (что еще больше портило и без того невзрачное впечатление); тонкие губы давно обесцветились и навсегда остались слегка приоткрытыми, выставляя напоказ сплошь беззубую полость (когда она изволила говорить, обдавала и неприятным запахом); поседевшие волосы большей частью «повыпадали», оставшись некрасивыми, торчавшими местами, «ляпками» (наверное, поэтому она нигде не появлялась без одноцветной косынки); скрипучий и недовольный голос нередко раздавался из обжитых ею замызганных помещений, вонявших отвратительной плесенью (особенно громко, когда неприличные соседи вели себя слишком уж шумно). Старой женщине принадлежало в трёхкомнатной коммуналке две обшарпанных комнаты, где она вела обособленный образ жизни; к ней никто и никогда не ходил, потому как она имела скверный, вздорный характер и отвадила от себя всех родных, как, впрочем, и близких.

Это что касалось невзрачной старушки. Дальше не следует забыть еще об одном непривлекательном персонаже, постоянно проживавшем в захламлённой квартире, – о сорокалет-

нем Тагиеве Ринате Тагировиче. Как уже говорилось, он считался чистокровным татаринном, в раннем детстве переехавшим в город Иваново вместе с родителями. Невысоким ростом Азмира была обязана именно тому непутёвому родичу; его чрезвычайно худощавое телосложение выдавало ленивого мужчину, не склонного к физическому труду и давно утратившего веру в счастливое светлое будущее. Отталкивавшее лицо, «прочерневшее» от бесперебойного потребления алкогольной и табачной продукции, обладало обвисшими щёками и выпуклыми «под глазами» (что передавало наличие хронических заболеваний мочеполовой системы и желудочно-кишечного тракта). Оно выделялось гадкими признаками: нос наблюдался прямым, расширявшимся к концу и выглядевшим в виде синюшной сливы, испещренной многочисленными глубокими порами; карие глаза казались слегка зауженными и искрились корыстной заботой (единственное, что указывало на жизненный интерес, требовавший продолжать влачить пагубный общественный статус); маленькие округлые уши широко торчали по сторонам, образуя чрезмерную лопухость; черные, с существенной проседью, волосы остригались коротко и, давно не зная расчески, взъерошенные, беспечно торчали кверху. По скверному характеру, человек тот слыл наглым, беспринципным, хитрым и, в то же время, трусливым; казалось бы, он смел проявлять изрядную смелость только в отношении уступчивой дочки Азмиры, отлично зная, что та никогда не сделает плохо. Однако, бывало, случалось, что от назойливых выходок, совершённых на почве беспробудного пьянства, безграничное терпение лопало даже у закаленной улицей сдержанной девушки; она устраивала ему полный разнос, правда словесный, и высказывала все нелицеприятные моменты, какие накопились в далеко не изнеженном сердце и отнюдь не ранимой душе.

Вот в таком пагубном обществе и провела восемнадцатилетняя проститутка и несчастливое детство и горемычную юность. Не зная никакой другой жизни, Тагиева нисколько не сетовала на злую судьбу, предпочитая смело глядеть любым невзгодам прямо в лицо; она пробивалась в безрадостной жизни исключительно, как научили – и никак по-другому! Она давно уже поняла, что обеспеченные клиенты буквально сходят от ее непревзойденного вида с ума, в связи с чем активно старалась использовать внешние данные в мелкособственнических личных задумках и низменных интересах; собственно, зарабатывать у юной путаны получалось в достаточной мере – на скромное существование и ей самой, и вечно пьяному папе, по сути, хватало. Вместе с тем она решительно настраивалась выбраться из грязной, отвратной «помойки», куда невольно «опустилась» по вине нерадивых родителей, и стать приличной, состоятельной, устроенной в личной жизни настолько, насколько рассчитывала обзавестись постоянной, а главное почётной, работой.

Как и обычно, вернувшись в тот злополучный день от обслуженного клиента, Азмира неприязненно взглянула на полупьяного багю, одетого в тёмно-синее трико, порванные и замызганные (прямо так, без трусов, на голое тело), а также серую майку, застиранную до такой невзрачной степени, что от бесчисленных дыр практически не оставалось свободного места. Она вдохнула ужасную вонь и невольно подумала: «И как я терплю рядом с собой мерзопакостного, подлого человека, который еще набирается наглости – меня! – которая его поит и кормит, неприветливо оскорбляет, да притом именно – тем! – чем мне приходится зарабатывать? Наглец!.. Да и только». Вдохновлённая весомой причиной, на его обидное, ставшее обыденным, изречение вошедшая дочка недоброжелательно бросила:

– Каков отец, такая и дочь! Если опущенный родитель и сам является «бутылочной проституткой», то чего ждать от неразумной девчонки? И вообще, нелюбезный папаша, будите кривляться – останетесь на голых бобах! Достаточно ли... ясно... я сейчас выражаюсь?

– Брось, добрая дочка, – моментально стушевался враз поникший мужчина, осознав невзрачные перспективы, – чего ты сразу? Я же просто шучу.

– Зато я нисколько даже не собираюсь, дорогой мой папаша, – отличаясь грубым ответом, проговорила требовательная брюнетка, – именно по вашей с «мамашкой-алкашкой»

милости я и вынуждена была спуститься на нелёгкое, позорное «днище»! Так что не Вам, деградировавший урод, говорить мне нелицеприятные, ужасные вещи... Кста-а-ти, разлюбезный папочка, а не хотите ли жареной рыбки?

– Не откажусь, – не чувствуя в простом вопросе завуалированного подвоха, сразу же согласился полупьяный родитель, – было бы совсем неплохо иметь хорошенькую закуску.

– Тогда пойдите сначала почистите, а потом и пожарьте, – значительно веселя, сказала беззастенчивая красавица, относившаяся к омерзительному человеку точно так же, как он, то есть бессовестно.

– А если нету?.. – непонимающе промолвил Тагиев.

– Тогда сидите и не «трендите», – рассмеявшись, что ей удалось ненавязчиво того подловить, довольная девушка вошла в их общую комнату, где у нее был отгорожен маленький угол, куда распространяемый запах если чутка и проникал, то не так уж и сильно.

Однако не успела она приблизиться к самодельному фанерному перекрытию, разделявшему комнату на две равные части, как в крепкую деревянную дверь, по небрежности оставленную незапертой, ворвались двое молодых бритоголовых парней, выделявшихся далеко не интеллигентной наружностью.

Здесь следует рассказать, что семья Тагиевых ютилась в двухэтажном доме, сконструированном по давнишней, ещё сталинской, планировке; в каждом подъезде располагалось по шесть квартир (по три на этаж); они квартировали в нижних помещениях, имевших три отдельные комнаты и граничивших с местами общего пользования; те включали в себя коридор, кухню и сантехнический узел, где вовсе не было помывочной ванны. Будет правильным уточнить, что для незавидной деятельности Азмира снимала временные апартаменты, хотя и однокомнатные, но выделявшиеся отличным ремонтом; для большего удобства оплаты они делились еще с тремя проститутками, где каждой полагались строго назначенные часы, отведенные на текущий прием клиентов, поэтому никаких неприятных накладок не возникало (там можно было и помыться, и переодеться, и придать себе вид, надлежащий для произведения наилучшего впечатления, сулившего и отличный заработок, и солидные чаевые). Возвращаясь к подробному описанию наполовину обшарпанного жилья, пропахшего омерзительной вонью годами немытого родича... Для того чтобы частично отстраниться от жуткого запаха, чисто-плотная девушка воспользовалась помощью фанерного перекрытия и разделила их общую комнату, имевшую размер шесть на четыре метра, на две равнозначные части; в одной расположилась сама, установив внутри полуторную кровать, одежный шкаф и небольшой будуар, а вторую, для захламления и распространения отвратного смрада, предоставила давно опустившемуся родителю. Тагиева даже умудрилась смонтировать лёгкую дверцу, чтобы наибольшим образом отделиться от непристойного человека, пускай и являвшегося родимым отцом, но воистину её недостойного.

Так вот, удачно пошутив над неразумным папашей, она спокойно направлялась в отдельную половину, когда в коммунальную квартиру и забежали два отможенных хлопца, явным хулиганским видом несколько не внушавшие дружеского доверия.

Первый, достигший двадцатидвухлетнего возраста, выделялся низкорослым, зато выделялся коренастым телосложением, что отчетливо определялось через грудные мышцы и мощные бицепсы, выпиравшие сквозь плотный спортивный костюм; круглая голова остригалась коротко и отличалась светло-русыми волосами; серо-зеленые глаза метали гневные взгляды и грозные молнии, заранее обозначая, что их суровый владелец обладает и безжалостным, и скверным характером, направленным исключительно на преступное достижение низменных целей; на левой щеке, гладкой и белокожей, остался широкий шрам, пересекавший всю длину, от виска и до окончания нижней челюсти; нос представлялся небольшим, слегка сдвинутым набок, выдавая немалое пристрастие к уличным дракам; тонкие, узкие губы кривились в недружелюбной усмешке, обозначая человека в себе уверенного и в любом случае готового

идти до конца. Среди местной шпаны он знался под авторитетным прозвищем Костя-киллер, что указывало на его нездоровое пристрастие к отбору человеческих жизней; впрочем, он имел и нормальное, человеческое имя и от рождения назывался Беркутовым Константином Петровичем.

Второй – Михайлов Алексей Борисович, имевший преступное погоняло Слон; его он получил из-за необычайно огромного роста, совмещенного как с мощным телосложением, так и с отъявленной глупостью [имея развитое, сильное тело, он обладал крупной, обритой налысо головой, в которой совершенно не ощущалось наличие практичного разума (про таких людей обычно принято говорить: он бездумный, словно морская торпеда)]. Двадцатипятилетний парень, на вид он выглядел, как минимум, тридцатипятилетним; взрослое впечатление обуславливалось смуглым лицом, обозначенным округлой формой и изъеденным врезавшимися морщинами. Остальные отличительные черты ничуть не умаляли первого впечатления: серые глаза наполнялись безграничной тупостью, выражавшей полное доверие ко всему, что не делал второй сподвижник; толстые, мясистые губы постоянно причмокивали, создавая некое впечатление, что их невзрачный обладатель совершенно не управляет естественной мимикой; вбитого носа практически не угадывалось, лишь на самом кончике круглая «картошинка» напоминала, что он всё-таки существует; круглые уши настолько плотно прижимались к гладкому черепу, что создавали впечатление их либо полного сглаживания, либо частичного вдавливания; массивные челюсти чуть выпирали вперед, придавая ему сходство с бездумной, зато свирепой гориллой. Одевался могучий парень, так же как низкорослый предводитель, в спортивный костюм тёмно-синего цвета, плотно прилегавший к исполинскому корпусу.

Не успела Азмира приблизиться к деревянному перекрытию, отделявшему личное пространство, как в жилую комнату, отталкивая и без того шатающегося папашу, ввалились два грозных субъекта, отмеченных преступной наклонностью, и хулиганской, и дерзкой. Отец как раз говорил:

– Дорогая доченька, а водочку?.. Ты разве забыла?

– В сторону, мерзкий «бомжара»! – грубо воскликнул Костя, именуемый киллером; он небрежно ударил хлипкого хозяина в грудь и наставительным тоном добавил: – «Пшёл» прочь, вонючая «гнида»!

Некрепкий мужчина, потеряв нестойкое равновесие, быстро-быстро засеменял ногами, пытаясь хоть как-нибудь устоять, но так и не смог; наоборот, «шометом» (ноги, руки кверху) завалился на спину, грузно плюхнувшись на пол.

– Азмира, беги! – успел он крикнуть что было мочи, но благочестивое предостережение прозвучало достаточно поздно.

Тагиева хотя и бросилась бежать к собственной комнатушке, но поступила так, скорее, машинально, чем надеясь благополучно спастись: она прекрасно понимала, что никакие фанерные преграды не удержат двух нахальных парней, обезумивших и свирепых, подкрепленных значительной силой. И действительно, не успела она ухватиться за ручку, как ее тоненькое запястье оказалось перехвачено Беркутовым. Сильно дернув, он бросил красавицу на обоссанный папой невзрачный диванчик и тут же кинулся следом, чтобы не позволить вертлявой брюнетке подняться обратно и чтобы попытаться её по-хорошему обездвижить. Успев переодеться в обычное одеяние, удобное в повседневной жизни и включавшее в себя разноцветную клетчатую рубашку, синие и кроссовки и джинсы, она остервенело брыкалась, отбиваясь всеми силёнками и не подпуская излишне грубоватого человека; она пинала его обеими ножками и, как ветряная мельница, махала перед собою царапавшими руками.

– Слон, ты чего стоишь словно пень дубовый?! – зло прикрикнул ему Константин, призывая внушительного поделщика. – Давай помогай! Видишь, юркая «сучка» разбушевалась и я один не справляюсь!

Оправдывая сравнение с бездумной торпедой, Михайлов, получив конкретное указание, незамедлительно вступил в активную помощь. Перехватив прекрасные ноги (бывшие для него, если честно, будто две тонкие спички), легко приподнял очумевшую красавицу кверху (черная голова оказалась книзу). Далее, он развернул ее с четким расчётом, чтобы перед его звездоподобным лицом оказалась упругая задница, похотливо аппетитная и возбуждавшая масляный взгляд, а привлекательная мордашка очутилась повернутой к негодовавшему Беркутову. Первый отморозок присел на корточки, и их глаза встретились, оказавшись друг против друга. Увидев безжалостный взор, горевший неприкрытой яростью и наполненный безудержным гневом, Азмира разом оторопела и миг замерла: она испытала холодный страх, ничуть не поделельный и наполненный паническим ужасом.

– Ты чего зазя ерепенишься? – было первым вопросом, с которого непрошенный гость и начал ознакомительную беседу. – Значит, так-то ты встречаешь будущих лучших друзей? Я же, странное дело, вдруг почему-то подумал, что здесь мне гостеприимно предложат чашечку горячего чая, – что ли, ошибся? – он наигранно печально вздохнул. – Ну, дык как, поговорим спокойно, или же мой бравый напарник на какое-то время тебя хладнокровно вырубит, затем мы отнесем твой роскошный стан в наше скромное логово, где в первую очередь отвратительно изнасилуем, а потом будем страшно пытаться. Поверь мне на слово, конечный результат все едино будет один: ты непременно сделаешь, что нам только не нужно. Так – что! – мне ему сказать – отпустить тебя или всё-таки стукнуть?

– Отпускай, – срывающимся голосом проговорила Азмира, испуганно хлопая растерянными глазами, – я честно буду вести себя спокойно и внимательно выслушаю, что вы захотите мне предложить.

– Вот и отлично, – сделал довольное заключение Беркутов, подавая знак большому поделельнику, чтобы тот поставил согласную девушку на пол.

Глава II. В квартире Тагиевых

– Алле, милиция, – послышался из общего коридора скрипучий голос Елизаветы Ивановны, не привыкшей называть правоохранительный орган полицией, – на нас напали – приезжайте как можно скорее!

Очевидно, на обратном конце мобильной связи стали выспрашивать личное имя, так как следом она начала называть подробные персональные данные.

– Слон, глянь, чего там творится! – громко прикрикнул Беркутов, разумно предположивший, что напряжённая ситуация выйдет из-под контроля, – если надо, убей!

Особо не раздумывая, Михайлов небрежно опустил напуганную хозяйку, сам же решительным шагом направился к Аристарховой. Та только-только успела произнести фамилию, имя, отчество, как перед ней возник звероподобный, чудовищно огромный, детина. Поглядывая на будущую жертву ожесточенным, суровым взглядом, не предвещающим ни доброго, ни хорошего, он схватил дотошную старушеницу за хиленькую ручонку, прислонившую к уху сотовый телефон, а затем медленно, но уверенно стал ее отстранять, отводя от беспокойной головушки в правую сторону.

– Не надо, – выпучив бычьи глаза, сказал убедительный верзила наполовину ласковым тоном, но с выражением неподдельной жёстковатой уверенности, – не стоит так рисковать – я бы не стал.

Из мобильного устройства слышался вопрошавший голос, плавно переходивший на повелительный окрик:

– Адрес?! Пожалуйста, говорите Ваш адрес?!

Но разъяснительного ответа (как не составит труда догадаться) ответственный дежурный, принявший тревожный вызов, так в итоге и не дождался, причем по всецело объяснимым причинам. Отобрав у излишне активной бабушки сотовый телефон, Михайлов снял с него заднюю крышку, небрежно извлек сим-карту и предусмотрительно смял ее пополам; по всему становилось видно, что проделанный грубый трюк ему не в диковинку и что совершает он его, проявляя большую смышленость, вразрез идущую с основным впечатлением, какое перво-наперво возникало от тупоумного вида. Выведя средство связи из рабочего строя, Слон широко расставил мощные пальцы, похожие на сардельки, и немного их изогнул, как будто хотел ухватить великовозрастную хозяйку за хрупкую голову; он приподнял кверху страшную длань, достигшую невероятных размеров, после чего (вероятно посчитав, что для пушей убедительности необходимо сопроводить выразительные жесты убедительными словами?) выпятил вперед нижнюю челюсть, а подтверждая, что настроен решительно, грубо промолвил:

– Смотри, старая «ведьма»! Я вот тебе устрою... ужо!..

В тот же самый миг огромный верзила заметил отца пленённой девушки, поднявшегося с деревянного пола и стоявшего немного покачиваясь. Едва лишь ощутив тот грозный взгляд гориллоподобного человека, он, непристойно ёкнув, плюхнулся на пятую точку, а затем энергично стал отползать назад, помогая себе и согнутыми локтями, и голыми пятками. Насмерть перепуганный, хозяин забился в угол, расположенный возле одной из кладовок, и трясся там не столько от затаённого страха, сколько со страшного бодуна; хлипкое туловище ходило ходуном до такой неестественной степени, что создавалось неотвратимое мнение, будто его возьмёт да и вот-вот «стебанёт».

В злосчастный, если и не критический момент Алексей, придав себе еще большее сходство с чудовищным хищником и приподнявши огромный кулак, направился в его сторону и зловеще полюбопытствовал:

– Ты чего здесь «колбасишься» словно осиновый лист – в «роговой отсек» захотел?

Злобное изречение оказалось последним, что услышал от неожиданного гостя очумевший хозяин, а затем окончательно провалился в безвольный припадок. Мгновенно! Точно какая-то невероятная сила оторвала его от скрипучего пола и подбросила кверху едва не на целый метр – резко оторвала от прежнего места, где он секундою раньше сидел. Впоследствии та же самая «неясная невидимка» швырнула бесчувственного мужчину обратно, да с такой неестественной мощью, что становилось непонятно, как в результате немислимого броска, неопишемого никакими людскими словами, он ничего на себе не сломал. Едва Тагиев коснулся полового покрытия, затуманенные глаза у него закатились, выставив на всеобщее обозрение одни белёдые склеры, а неуправляемое тело затряслось так неестественно сильно, словно бы кто-то пытался прорвать его внешнюю оболочку, а следом выйти наружу; из окровавленного рта показалась густая пена.

Какой бы ни был Слон привычный ко всякого рода невыносимым мучениям, жестоким страданиям; но (сейчас!) от развернувшейся перед его ошарашенным взором ужасной картины Михайлов испугался до немислимой степени, словно следующим на очереди, выстроенной на погружение в коматозное состояние, стоял теперь именно он.

– Костян! – крикнул он более умному другу. – Иди скорей посмотри, что здесь непонятное приключилось!.. Я как есть «потерялся» и не знаю, что надо делать?!

Верный закадычному приятелю, Беркутов моментально поспешил в общественный коридор; попутно он грозно глянул на запуганную девицу и, стиснув прочные зубы, не замедлил распорядиться:

– Даже не думай... «порву»!

Вероятнее всего, лаконичной, недвусмысленной фразой он имел в виду всяческие переговоры, производимые с помощью сотовых телефонов, либо беспечное поведение, направленное на мнимый побег, либо создание (каких других?) непривлекательно негативных последствий. Что конкретно? Дополнительных подробностей неожиданный гость не озвучил. Вместе с тем молодая путана, общавшаяся с разного рода представителями многостороннего общества, в том числе и с криминальными элементами, прекрасно поняла, что немногословной, но ёмкой фразой имелось в виду. В любом случае Беркутов, пока до зашуганной хозяйки доходил исключительный смысл его грубоватого изречения, выбежал на призывный возглас опешившего поделщика и увидел лежавшего человека, бившегося в кошмарном, по сути лихорадочном, приступе.

– Эй, презренная шлюшка! – крикнул он Азмире, с одной стороны перепуганной, но с другой задыхавшейся от нестерпимого гнева. – Поди-ка быстрее сюда! Тут, кажется, предок твой, «помойный», зараз погибается!

Предаваться негативно настроенным чувствам? Нет, после тревожного, едва ли не горестного известия Тагиевой не позволяла отстраниться дочерняя, почтительная привязанность (как не говори, она имела к близкому человеку, последнему, оставшемуся живым). Утирая крупные слезы, сердобольная дочка вскочила с пропитавшегося едкой вонью старенького дивана и стремглав побежала в коридорный проход, где в жестоких конвульсиях бился и неразумный, и беспутный родитель, вконец пристрастившийся к пагубной выпивке. К основным событиям она выбежала в пиковый, относительно недобрый, момент. Когда она появилась, перекошенное лицо страдавшего бати отображалось то демоническим выражением, то различными цветовыми оттенками: оно становилось то пунцовым, то белым, то каким-то сразу коричневым, то попросту черным и выказывало то безудержный гнев, то безотчётный страх, то горестную печаль, то сплошную обиду. Искушённая брюнетка мгновенно всё поняла; по ее дальнейшему изречению и уверенным движениям становилось более чем очевидно, что обморочное состояние забулдыжного папочки отнюдь не в диковинку.

– Водочная эпилепсия, – сказала она сухо, проходя мимо охваченного судорожным припадком безалаберного родителя, – нужно разжать ему челюсти.

Едва сказав незатейливые слова, привычная дочь перевернула бившегося в конвульсиях беспробудного пьяницу на левую сторону, ловко скинула фирменную кроссовку, а следом сняла разноцветный носок. Выбрав подходящий момент, когда после очередной физиономической судороги, пробежавшейся лёгкой волной, отец стихийно разжал крепко сжатые челюсти, энергично, а главное лихо, загнала в ротовую полость немаловажную частичку личного туалета.

– Чтобы болтающийся язык не смог прикусить, – объяснила она странное поведение.

А что же соседская бабка? Воспользовавшись невольной заминкой, она предусмотрительно зашла в отдельную комнату и понадежнее заперлась изнутри. Два других созерцателя диковинной сцены, еще недавно сверх меры активных и бравых, теперь молчаливо стояли и, не двигаясь с места, с нескрываемым отвращением поглядывали на бестолкового человека, подвергнутого непостижимому приступу. Тот медленно приходил в себя. В общей сложности безотчётный припадок длился чуть больше минуты, но того недолгого времени оказалось более чем достаточно, чтобы посторонним чужакам наполниться смятенными чувствами, сопряженными с нескончаемым омерзением.

– «Хренá» себе?! Ну, вы и «даёте стране сырого угля», – прокомментировал Костя-киллер, чуть немного стал отходить ото всего, им здесь недавно увиденного, – и часто у вас – такое! – случается?

– Нет, – уверенно заявила бойкая девушка, наблюдая, как глазные белки на батиной физиономии медленно опускаются вниз, а чёрные зрачки возвращаются на прежнее место, – но все же бывает... в основном, когда он подвергается внезапным волнениям. Сегодняшний припадок спровоцировал ваш внезапный приход да крутое столпотворение. А ещё! Что не менее важно... я не успела дать ему обычную опохмелку. Если бы он вовремя выпил, то ничего подобного с ним, точно бы, не случилось.

– То есть?.. – недовольно оборвал говорившую красавицу Костя (после непривычного происшествия он окончательно восстановил душевное равновесие). – Ты хочешь сейчас «прогнать», что нам требовалось дожидаться, когда твой «папик-алкаш» примет ежедневную дозу «на грудь», и только потом удостоиться великой чести быть вами принятыми, – он иронично язвил, – это, что ли, ты хочешь сказать? А может, вообще следовало записаться на королевский прием, к вам, мелким недомеркам, заранее?.. Ерунду-то не городи!

– Нет, – опять повторилась Азмира, слегка стушевавшись от грозного вида, какой умел напустить на себя непререкаемый Костя, – я вовсе не то имела в виду... просто, видя ваш испуганный вид...

– Да ты что, белены, сегодня объелась?! – презрительно выкрикнул Беркутов. – Что такое ты говоришь, «испуганный», хм?.. Да ты хоть понимаешь, с кем сейчас разговариваешь? Да я людей убил больше, чем ты, презренная малявка, полных лет пока прожила – а ты мне «испуганный вид»?.. Разозлить меня хочешь?!

– Ни в коем случае, – замотала испуганная красавица чернявыми волосами и энергично замахала двумя руками, изображая жест крайнего отрицания, – просто я наконец-то хочу узнать: что явилось истинной причиной вашего внезапного посещения?

К решающему мгновению, когда задавался закономерный вопрос, оторопелый отец окончательно вернулся в сознание и настоятельно силился вспомнить, что же с ним чуть ранее произошло? Он сидел на голом полу и в недоумении качал пустоголовой башкой, если еще и обладавшей какими мозгами, то полностью «высушенными» как горячительными напитками, так и не менее губительным никотином. Очумевший мужчина никак не мог найти вразумительный, внятный ответ: «Откуда взялись все эти люди? Почему я сижу на полу? И главное, откуда в моём разинutom рту вдруг очутился разноцветный женский носок?»

Видя полное недоумение и стараясь хоть как-то привести его в рациональное чувство, Азмира категорично прикрикнула:

– Чего сидите, грязный пропойца?! Идите в нашу общую комнату: там в моей сумочке находится свежая выпивка – можете взять.

После ободрявших слов Тагиеву ничто другое уж было неинтересно. Не обращая внимания на столпившихся подле незнакомых людей, он энергично поднялся и, неуклюже перебирая по гладкой стене руками, пошатываясь направился в указанном направлении. В общем коридоре остались три заинтересованных человека, и Беркутов посчитал, что пришла пора поставить недоумённую хозяйку в курс наглого посещения:

– Значит, так, милая крошка, мы прибыли к тебе с благотворительной миссией. По всей видимости, тебя непременно заинтересует: что же именно она из себя представляет?

– Буду очень признательна, если вы меня просветите, – поддакнула неглупая девушка.

– Мы знаем, что ты занимаешься «некрышуемой» проституцией, – беззастенчиво продолжал неожиданный посетитель, придавая себе вид ежели не слишком заумный, то чересчур наставительный, – а выбранная «профессия» – как всем известно! – очень опасна и сопряжена с постоянным риском, да и возможным обманом...

Азмира постепенно начала понимать, чем конкретно вызвано к ней «заботливое» внимание, и, ненамеренно усмехнувшись, продолжала вдумчиво слушать, что назойливый собеседник будет «лить на уши» дальше. Не придав презрительной ухмылке осмысленного значения, он демонстративно заложил руки за спину, озлоблено выпятил нижнюю челюсть и, упиваясь собственным голосом, назидательно разъяснял:

– Поэтому ты нуждаешься в постоянной поддержке и сильной защите... – заметив у «разводимой» жертвы явное недоверие, Константин на секунду замер, а следом благополучно его рассеял: – Не сомневайся, нуждаешься! И вот как раз по той весомой причине, способной навсегда избавить нас от таких волнительных посещений, ни тебе ни мне не приятных, ты просто обязана обеспечить себе внушительную охрану, притом непременно влиятельными людьми, продвинутыми в преступном предпринимательстве. Похожими авторитетными личностями являются твой покорный слуга и его непобедимый напарник. Заметь, у нас защитительные услуги покамест недорогие, хотя я совсем не представляю, что будет, ну? скажем, завтра...

– Хорошо, а если я все же наберусь непомерной смелости и отвечу принципиальным отказом? – не удержалась молодая путана от язвительной реплики.

– Как я уже и сказал чуть ранее, – недовольный «докладчик» скривился от яростной злобы, – мало того что мы попросту тебя изнасилуем, так вдобавок организуем и страшные, и жестокие пытки, – презрительно ухмыльнулся, а кивнув в сторону большого верзилы, невзрачно дополнил: – Вон Слоны очень любят мучить молоденьких девушек – ты же ведь не хочешь познакомиться, как лихо он это проделывает? А, Слоны, подтверди: ты с превеликим наслаждением будешь пытать смазливую стерву, подпорчивать ей чудесную красоту?

– Даже не сомневайся, – не замедлил заверить не больно разумный детина, – так тебя еще никогда не терзали!

Угроза выглядела более чем реальной, поэтому Азмира, не на шутку встревоженная, задумалась о жутких последствиях. Делиться каждодневной выручкой с кем бы то ни было ей, естественно, не хотелось, но и подвергаться мучительным издевательствам – на мрачноватый «расклад» тоже особого желания пока не проглядывалось. Впрочем, и сдаваться так просто, то есть добровольно отдавать часть заработанных денег (да еще и неизвестно кому?), считалось поступком непростительно глупым. Поэтому она решила еще раз проверить подлинную серьёзность представляемой парнями потенциальной опасности.

– Ну, а предположим, если я обращусь в городскую милицию? – придав себе большей уверенности, спросила Тагиева, для пушей убедительности выразительно сузив ехидные глазки и грозно нахмурившись. – Ведь там, я думаю, сумеют справиться с любыми, даже поистине дерзкими, отморозками – как вы тогда поступите?

– Мы просто тебя убьём, – без обиняков ответил ей Костя-киллер, – нравится могильная перспектива – пожалуйста, обращайся. Сразу же поясню: доказать ты все одно ничего не сумеешь, а ходить темной ночью одной, да ещё и по узенькой тропочке, хочешь не хочешь, но все же придется. Глядишь, неожиданно-негаданно встретимся – и вот тогда?..

В самый напряжённый момент (словно бы по чьему-то неведомому заказу, а заодно и чтобы дать «загруженной» девушке немножко подумать) снаружи подкатил милицейский «уазик», из которого выбежали надлежаще экипированные сотрудники, вооруженные снаряжёнными автоматами и одетые в броневые жилеты; они напрямую бросились к злосчастной квартире. Неожиданное появление местных правоохранителей объясняется просто: их направил дежурный, принявший неоднозначный вызов, поступивший от престарелой просительницы. Но как же, она ведь не называла конкретный адрес? Здесь на первый план выходит долгий служебный опыт. Поняв по взволнованной речи, что дело отнюдь не шуточное, к нему он отнесся в полной мере серьезно. По озвученной фамилии ответственный милиционер (в 2012 году полицейские пока еще назывались именно так), через телефонный звонок, направленный в миграционную службу, отчётливо выяснил, что на Рабочем посёлке проживает три человека с похожими анкетными данными. Сумев по голосовой интонации безошибочно сопоставить, что говорил он со старенькой бабушкой, опытный офицер моментально отбросил двоих более молодых и направил группу захвата именно в тот самый адрес, какой и оказался в итоге нужен. Далее, без лишних церемоний ворвавшись в квартиру, блюстители порядка сразу, и притом безошибочно, сумели определить, кто здесь являлся чужими, а кто представлялся своими. Взяв непрошенных визитеров на автоматные мушки, их невежливо попросили упасть и безропотно занять неудобные, хотя и привычные положения. В тот же самый момент (зачем-то?) из собственной комнаты вознамерился выйти полупьяный Тагиев, хорошенечко поправивший здоровье и изрядно повеселевший... Его внешний вид внёс в суетные мысли немалую долю смятения; в результате, не желая вникать в подробности и выслушать бредовые разъяснения, невзрачного мужчину уложили рядом с остальными беспардонными негодьями. Ринат, за последнее время переживавший и вероломное нападение, и эпилептический припадок, и внезапное появление полицейских с «калашами» наперевес, безропотно подчинился.

Что же главная «виновница», организовавшая стремительное прибытие вооруженных людей? Она преспокойненько сидела в маленькой комнатёнке и умело притворялась, что (лично!) она к происходящему столпотворению не имеет ни малейшего отношения. Когда к ней, сломав непрочные дверные запоры, ворвался один из представителей группы захвата, она, искренне испугавшись стихийного появления, непроизвольно икнула и, осеняясь крестным знамением, бесперебойно запричитала:

– Свят, свят, свят! Боже Великий! Что же, Господи, такое творится? Совсем никакого житья порядочным людям на белом свете не стало, – и с хитрой ухмылкой, – надо, наверное, в областную прокуратуру пожаловаться?

– Не беспокойтесь, – ответил вошедший оперативник, – мы из полиции – что у вас происходит?

Далее, выслушав неисчислимые жалобы старенькой женщины (Азмира выдвигать обвинение умышленно отказалась), было принято решение забрать незваных гостей в ближайший полицейский участок. Когда Костя-киллер неторопливо поднялся, то, удерживаемый за руки одним из сотрудников, он умудрился приблизиться к стоявшей неподалёку «презренной шалаве» и, придавая шипящему голосу грозных оттенков, полупшепотом произнёс:

– Мы еще не закончили, «мерзкая шлюха»!

Глава III. Костя-киллер выходит на дело

Прошло два дня со времени того странного происшествия. Не переставая переживать о грядущих последствиях и отчетливо помня последние наставления Константина, Тагиева теперь раздумывала, как же ей поставить в курс остальных «коллег» по невзрачному бизнесу, причём как-нибудь ненавязчиво, чтобы вызвать и трезвое понимание, и искреннее сочувствие, и адекватное восприятие. В конце концов не выдержала и, «отработав» положенные шесть часов текущих суток, решила посоветоваться с чередовавшей «сменщицей».

Гордеева Анжелика Сергеевна слыла самой старшей среди всей «великолепной четверки», квартировавшей приёмные апартаменты: ее возраст перевалил за двадцать пять лет. Основываясь на немаловажном, скорее существенном, обстоятельстве, она даже пользовалась некоторым уважением среди других, более молоденьких, проституток. Говоря об импозантной внешности, можно сделать несколько визуальных выводов: первый – для представительниц прекрасного пола она выделялась чрезмерно высоким ростом, в связи с чем редкий случай, когда на ней красовались модные туфли на завышенных каблуках (основное предпочтение отдавалось остроносым балеткам-лодочкам); второй – великолепная фигура выглядела сложённой несколько не хуже, чем у той же Азмиры, и практически (за исключением излишней длины) не имела видимых нареканий (особо можно выделить изящную грудь, тонкую талию, бесподобную ягодичную область); третий – особой сексуальностью отличались, конечно же, длинные стройные ноги, вольно или невольно останавливавшие на себе впечатлённый взгляд любого мужчины. Впрочем, не один лишь великолепный стан являлся ее внешним достоинством – восхитительное лицо едва не затмевало прекрасные очертания, отмечавшиеся у ближайшей подруги Тагиевой. Как же оно выглядело? Во-первых, продолговатая форма казалась практически идеальной, без каких-либо мелких изъянов; во-вторых, игриво блестели голубые глаза, увенчанные накладными ресницами; в-третьих, соблазнительный макияж наносился столь искусно, что делал её похожей на писанную красавицу; в-четвёртых, белая кожа являлась настолько гладкой, что возникали некоторые сомнения, а есть ли на ней вообще какие-то телесные поры; в-пятых, маленький нос обладал чуть заметной горбинкой, придававшей дополнительной миловидности; в-шестых, изумительные пухлые губы всегда напомаживались в коричневый цвет и очерчивались яркой обводкой; в-седьмых, слегка выпиравший подбородок ничуть не портил общего благоприятного впечатления; в-восьмых, ослепительные волосы, волнистыми локонами спускавшиеся за милые плечи, выдавали несомненную принадлежность к настоящей блондинке. Одеваться она предпочитала в разукрашенные футболки, кожаную, очень короткую, юбку и сетчатые колготки, непременно отмеченные интересным рисунком.

Пока первая девушка, закончившая «трудовую смену», переодеваясь в обыкновенные шмотки и смывала «боевую» раскраску, вновь пришедшая путана расположилась в единственной комнате и, не откладывая в долгий ящик, начала ублажать приведенного очередного клиента. Приняв на маленькой кухоньке обычный, обывательский вид, то есть облачившись в неизменные джинсы и клетчатую рубашку, Тагиева, не перестававшая терзаться мучительными сомнениями, всё же не удержалась (что было недопустимо!) и вежливо постучалась в «приёмную» комнату, где всюю развлекалась вторая подруга:

– Анжелика, можно тебя на минуточку: есть срочное дело, очень серьезное и не терпящее никаких отлагательств.

Изнутри, где ранее слышался непринужденный, наполненный веселостью, смех, практически в ту же секунду послышалось неприязненное ворчание, содержащее в себе, скорее, раздраженные, нежели дружественные оттенки.

– Ну что еще? – недовольно спросила Гордеева, выходя в прихожую, разделяющую кухню от комнаты, и накидывая на себя атласный халатик; одновременно она перетянула его тонень-

ким пояском. – Что могло случиться такого неотложного, что ты отрываешь меня от состоятельного клиента?

– Понимаешь, какая беда... – неуверенно начала Азмира, увлекая рослую подругу вслед за собой и отстраняясь от комнатной двери, – позавчера у меня были два очень отвратительных типа, которые имеют прямое намерение – взять под контроль наш сомнительный бизнес, знаешь ли, и так не отличающийся большими доходами. В общем, они требуют с ними делиться.

Старшая девушка обладала более здравым рассудком, да ещё и природной сообразительностью; однако в настоящем случае она, ни секунды не думая, грубо отрезала:

– Пошли они «на хер»! Если это всё, что тебя беспокоит, тогда пошла-ка я дальше «работать». Извини, просто так, исключительно за красивые глазки, никто хорошую цену не платит: наличные денежки полагается как следует отпахать, – она неприветливо усмехнулась, – само то небось на всякую «херню» не сильно-то отвлекалась, а добросовестно «трудилась» полную смену – так чем я-то от тебя, чересчур предприимчивой, отличаюсь?

Едва закончив, она делано повернулась, чтобы немедленно отправиться восвояси, но неожиданно замерла, а вернувшись назад, положила Азмуре на поникшее плечико правую руку и гораздо мягче добавила:

– Не переживай, боевая подруга, непременно прорвемся!.. Короче, если еще раз «наедут», тогда и будем чего-то думать, а пока иди отдыхай, и не бери в бесшабашную голову.

Тагиева хотела возразить, разъяснить, что на них аккурат уже и «наехали», причем поступили по всем правилам криминального бизнеса, но, к сожалению, не успела: беспечная «сменщица», увлеченная совсем иными помыслами, дольше задерживаться не стала, а, резко повернувшись, быстренько побежала в спальную комнату, откуда буквально через секунду послышалось ее веселое «щебетание». Другая девушка, нисколько не успокоенная, печально вздохнула, но решила взрослую приятельницу от основной «работы» не отрывать. Отягощенная тяжелыми мыслями, она, понурая, отправилась вон.

Перед тем как перейти к раскрытию описываемых событий, следует остановиться и на том немаловажном условии, как эксплуатировались жилые апартаменты и как распределялись ежедневные смены. Любые текущие сутки, приходящиеся на разное время, отличаются по «полезной нагрузке»; к примеру, поздним вечером наплыв потенциальных клиентов представляется гораздо насыщеннее, чем, допустим, в раннее утро. Руководствуясь нехитрыми, целиком понятными, принципами (чтобы избежать несправедливой дискриминации), дружные путаны решили чередоваться, установив посменную расстановку сроком в одну неделю; получалось, что каждый использует съёмное помещение и по наибольшей загруженности, и, соответственно, по наименьшей (что создавало равную вероятность как неплохо отдохнуть, так и хорошенечко заработать).

Возвращаясь к искомой неделе, Анжелика попала в наиболее горячую пору, то есть, после того как ушла Азмира, у неё один клиент стал активно сменяться другим, заполнив все причитавшиеся шесть часов «рабочего вечера». Закончив «удачную смену» в двенадцать ночи, одновременно она была и выжата словно лимон и очень довольна общим успехом. Изрядно уставшая, она оставила развратное пространство третьей подруге, сама же, пересчитав заработанные немалые денежки, неспешной походкой направилась к выходу.

Теперь следует обратить внимание еще на одну особенность: их порочная практика сложилась неким своеобразным манером, что ко времени «пересменки» (чтобы не рисковать и не ходить до дома пешком) прямо возле терпимого дома (причем давно уже без предварительного заказа) находилась машина такси, послушно дожидавшаяся выхода очередной растленной особы, которая (говоря на местном жаргоне) на сегодня уж отстрелялась. Таксисты считались знакомыми и менялись, согласно сменного графика. Укоренившаяся привычка не нарушалась и в тот злополучный день, по крайней мере, легкомысленной проститутке так показалось: она

не заметила никаких существенных изменений, правда, единственное, что ее могло бы насторожить, – это нахождение за рулем неизвестного человека...

– Привет! А где наш милый Саша? – неприлично зевая, поинтересовалась подуставшая шлюха, немного (но все же не в достаточной мере) удивившись неожиданной «рокировке». – Сегодня вроде бы его вечерняя смена?

– Он заболел необычайно тяжелой болезнью и сегодня не вышел, – подразумеваемая «не приступил к основным обязанностям», грубовато заметил новый водитель, – но ты, чудесная краля, осббливо не расстраивайся: он посвятил меня во все существующие нюансы, и я даже знаю, куда тебя нужно вести.

– Да? – машинально удивилась Гордеева, поразившись взаимовыручке, существовавшей у здешних таксистов. – Вот молодец, – отметила она его добросердечную расторопность и поняла, что обязательно должна посочувствовать: – А чем он болен? Это опасно?

– Нет, – усмехнулся ехидный шофёр, включая первую передачу и трогаясь с места, – но какое-то время его не будет: он сломал правую ногу, а по-видимому, еще и левую руку; другие же подробности мне пока неизвестны.

Странный незнакомец не врал. Хотя какой же он неизвестный? Нетрудно догадаться, коронное кресло занял не кто иной, как сам безжалостный Костя-киллер, представший перед беззаботной девушкой собственной бандитской персоной. Разумеется, с прежним водителем он менялся с полной его неохотой; впрочем, отпетый отморозок не позабыл ему доходчиво объяснить, что мера является вынужденной и что лично ему (страсть как не хочется!) поступать с ним несправедливым, но убедительным способом. В конечном итоге настоящему владельцу таксомоторной машины (вначале вроде бы несговорчивому, ха-ха!) нечего другого не оставалось, как согласиться с предложенным вариантом, потому как от правильного решения напрямую зависели как враз пошатнувшееся здоровье, так, возможно, и сама дальнейшая жизнь. Заполучив не совсем естественно нужный автомобиль, небезызвестный Алёша Михайлов остался проводить поучительную беседу (идейная сущность которой сводилась к тому неукоснительному условию, что мудрый водитель поступил, по сути, правильно, ведь он ограничился всего-навсего двумя переломами, обширной гематомой под левым глазом, да разве еще несколькими синяками и ссадинами, наплывшими по всему остальному телу), а его пронырливый товарищ отправился претворять в жизнь основную часть задуманной изобретательной комбинации.

– Не повезло, – с грустью промолвила Анжелика, искренне переживая за знакомого человека, – как это случилось?

– Чисто случайно, – пустился Беркутов в непристойные рассуждения, продолжая мастерски управляться с рулевым управлением и разгоняясь до порядочной скорости, – выбрал не ту работу, а затем связался с нехорошей компанией – вот лишним здоровьем за неразумную оплошность тотчас и поплатился.

– Даже так? – безотчётно занервничала пронизательная путана, заерзав на заднем кресле и вспоминая недавний разговор, состоявшийся с предупреждавшей приятельницей; а еще она обратила внимание, что странноватый тип свернул в совсем непривычную сторону.

– Там перекрыто прямое движение, – небрежно буркнул неучливый шофер, читая затаённые мысли, словно открытую книгу, и вспоминая фрагмент известной картины, – необходимо ехать в объезд.

– Остановите – я выйду! – почувствовав суровую опасность, исходившую от непочтительного мужчины, дрожащим голосом проговорила путана, – я передумала ехать домой. Мне нужно... зайти в одно место, которое располагается как раз вот в этом самом квартале.

– Из моей машины можно выйти только тогда, когда я того захочу, – считая захваченный транспорт всецело своим, резко отрезал нелюбезный водитель; осознав, что его раскусили,

он эффектно представился: – Меня зовут Костя-киллер, и, надеюсь, ты понимаешь, что это значит.

Жгучий холод, вмиг охвативший ее изнутри, сжал у безупречной красавицы трепетное сердечко и превратил его в один миниатюрный комочек; душа же стремительно «прыгнула» в пятки – словом, она теперь сидела, оставаясь ни жива ни мертва. Лишь теперь, осознав нависшую явственную опасность, она сильно-сильно переживала, что не прислушалась к обоснованным страхам Азмиры, когда та пыталась её сегодня благоразумно предупредить. Вместе с тем изменить что-либо было уже нельзя, а оставалось плыть по течению, полностью доверившись безнравственным преступникам, да разве еще их самой близкой подруге – злодейской судьбе. Ни одна из рискованных мыслей, будораживших воспаленный мозг: выпрыгнуть на ходу; огреть водителя дамской сумочкой; вцепиться ему ногтями в глаза; укусить его за руку – не находила ответного понимания, из-за чёткого осознания их полной абсурдности.

Пока она терзалась невнятными думками, Беркутов гнал, превышая все допустимые скорости. Встаёт вопрос – почему? Чтобы ни в коем случае не дать встревоженной спутнице осуществить какую-нибудь ненужную глупость. Расчет оказался верным, растерянной блондинке даже отдалённая мысль не закрадывалась, чтобы на быстром ходу выкинуть нечто из ряда вон выходящее, что вразрез бы пошло с первоначальными бандитскими планами. Вот так, в принуждённой к спокойствию неестественной обстановке, с учетом внутренних переживаний и сильнейших эмоций, душивших Гордееву изнутри, они постепенно покинули городские пределы; затем, направляясь в сторону Ярославля, последовательно достигли деревни Буньково, где располагался питомник декоративных растений. Недалеко находилось небольшое строение, больше похожее на сарай; оно отстояло чуть в стороне, к нему вела проселочная дорога, а поблизости не виделось никакого жилья. Говоря случайными размышлениями перепуганной пленницы, если здесь, к примеру, взять закричать, то навряд ли тебя хоть кто-то услышит; единственное, на кого можно сейчас рассчитывать, – это на какого-нибудь излишне отважного охранника, дежурившего на земельном участке, предназначенном для разведения саженцев.

Словно прочитав мятежные мысли, Беркутов резко повернулся злобной физиономией и, напившись звериным гневом, наполовину шипевшим голосом произнёс:

– Даже не думай! Это будет последний вскрик в оставшейся жизни, хотя, поверь, мне бы очень того не хотелось. Поэтому сиди тихо, не подводи ни себя, ни того мужика, сидящего сейчас на дежурной вахте.

Приняв нехитрые меры предосторожности, Константин остановился возле ветхой деревянной постройки. По-львиному рыкнув, одарил смятенную девушку укоризненным взглядом, внушавшим панический ужас.

– Остановка конечная – приготовьте к дотошной проверке карманчики! Шучу, – сказал он следом, самодовольно улыбнувшись плоской и глупой шутке, – можно «вылазить» – приехали.

– Нет! – испуганным голосом возразила молодая путана, словно бы вжавшись в матерчатую обшивку сидения. – Я никуда не пойду.

– Не глупи, – промолвил зловещий преступник, напуская на себя вид человека, не склонного к долгим переговорам, – не то будет хуже.

Гордеева крепко обхватила себя двумя руками, как будто пряталась в некий невидимый домик, способный спасти ее от жуткой расправы; она словно бы готовилась в мягкой обивке утопнуть, а заодно и выказывала полную, строптивую непокорность. Смерив ее озлобленным взглядом, Беркутов моментально оценил внештатную обстановку. Выйдя наружу, он негромко воскликнул:

– Слон, давай «дуй-ка» ко мне на подмогу! Тут шалава одна упирается – без тебя, ну! никак невозможно с ней справиться.

На властный призыв дощатая дверь сарая открылась практически в ту же секунду, и оттуда вышел гориллоподобный молодой человек, отличавшийся и массивной фигурой, и чудовищной внешностью. Не требуя дополнительных разъяснений, он твердой походкой направился прямо к машине, а оказавшись подле нее, «расхлебенил» заднюю дверцу... не спуская с лица звериного выражения, он не замедлил засунуть внутрь просторного салона мощные руки. Завидев невиданное страшилище, Анжелика, как маленький, писклявый крысёнок, кинулась к противоположному выходу. Но не тут-то ей было! Он в нее словно безжалостный коршун вцепился, обхватив грубо за оба нежных плеча и не давая ни единого шанса, чтобы та смогла высвободиться из цепких объятий.

– Ты чего трепыхаешься, глупая шлюха? – молвил он между делом. – Гляди, поломаю.

Несмотря на сделанное предупреждение, в силу девичьего инстинкта, Гордеева попыталась и громко кричать, и призывать кого-нибудь в помощь.

– Помогите! Спасите! – вопила она истошно, надеясь привлечь хоть чье-то внимание. – Кто-нибудь!.. Убивают!

Призывные вскрики не возымели на Слона ни малого действия: отпускать трепыхающуюся жертву он явно не собирался. Напротив, грубый парень резко ее тряхнул, пытаясь разом сбить порывистое дыхание, а потом непринужденно, одним сильным движением, вырвал молодую путану наружу, больно ударив белокурой головой о верхний край дверного проема. От неосторожного, хотя и значимого воздействия любая бы замолчала, и Анжелика не явилась удивительным исключением – она моментально потеряла сознание. Ее роскошное тело обмякло, но не упало, продолжая оставаться в цепких ладонях большого и сильного человека.

Увидев неожиданный, крайне нежелательный, поворот, Беркутов нервно сплюнул сквозь зубы и не удержался, чтобы не сделать нерадивому компаньону строгого замечания:

– Смотри, аккуратней – не убей ее раньше времени. На ком тогда заработаем и будем строить преступный бизнес – сам, что ли, пойдешь на распущенную панель?

– Чего я-то опять? – незадачливо промолвил огромный детина, виновато склоняясь перед более хрупким подельником. – Это не специально... просто она так громко стала орать, что я мал-помалу не удержался.

– Ладно, – махнул уступчивый предводитель, резко развернувшись к запущенному сараю, – тащи ее внутрь, а то сюда уже кто-то идет... очевидно, придется ему разъяснить, что он здесь является лишним. Как с ней закончишь, как следует свяжешь, выходи на подмогу – поддержишь нашу честную компанию, а заодно и «дружескую беседу».

Произнося назидательный монолог, Константин имел в виду человека, приближавшегося со стороны посадочного питомника и не иначе привлечённого громкими криками. К собственному несчастью, тот вознамерился выяснить, что же возле охраняемой территории сейчас происходит.

Глава IV. Признание

Закончив «вечернюю смену» в восемнадцать часов, Азмира быстрым шагом направилась к дому, чтобы по-быстрому переодеться в вечернее платье и подготовиться к назначенному свиданию. Она изрядно спешила, не желая в особенном, если не исключительном случае вдруг опоздать и прекрасно понимая, что добродетельная судьба предоставляет ей долгожданный шанс (он выражался в образе молодого человека, подающего большие надежды и её безраздельно любящего). Юная проститутка, на недолгом веку она повидала столько всяческой мерзости, что смогла себе отчетливо уяснить – оставаться всю жизнь доходной путаной (даже если и сильно захочет) просто-напросто не получится. Значит, непременно нужно устроить личную жизнь, обеспечив ее постоянным достатком и будущим процветанием. Для осуществления далеко идущих замыслов, если что и требовалось (при отсутствии достаточных навыков и хоть какого образования), просто удачно выскочить замуж, притом непременно за перспективного, а вкуче и обаятельного мужчину. Моложавой проститутке невероятно свезло: ещё со школьной скамьи на неё обращал внимание Холод Андрей Вячеславович, учившийся на год старше. Говоря про приличного парня, следует отметить, что он являлся единственным сыном состоятельных личностей, то есть всегда выделялся и модными шмотками, и дорогими аксессуарами. С девятого класса он бросал на миловидную девушку томные взгляды, когда та, собственно, училась в восьмом. Как теперь известно, привлекательной ученице в то тяжелое время оказалось не до юношеской любви, так как из-за тяжелых материальных условий тогда уже приходилось втихаря «подрабатывать» проституцией (необеспеченной девчужке хоть как-то нужно было закончить девятый класс и получить первое свидетельство «о неполном среднем образовании»). Наверное, именно по значимой, весомой причине она и не уделяла личного внимания ненастойчивому юнцу, не попытавшемуся с ней даже заговорить, а только безнадежно грезившему о платонических отношениях.

Вместе с тем от Азмиры, набравшейся горького опыта не просто в мечтательных грезах, но и в грязных вопросах интимной близости, не ускользнул тот пристальный интерес, какой проявлялся к ней стеснительным старшеклассником. Впрочем, не видя действенных шагов к настойчивому сближению, она на мечтательных вздохах особенно не закичивалась (по сути, её заботило только единственное – это как ей прокормить и себя самую, и опустившихся предков). Нерасторопного парня она про себя называла: «Недостойный молокосос и отчаянный трус, не посмевший «разорвать» презренную разницу в общественном статусе». Да, именно так она тогда и считала. С другой стороны, рано созревшая красавица вовсе не понимала, что робкий, застенчивый юноша, охваченный страшным смущением (а еще и воочию видя, как возле любимой девушки вьются самые красивые и состоятельные мальчишки школы), не смел к ней даже приблизиться, а разве сокрушенно переживал, наивно себе представляя, будто бы она на него и не взглянет. Так и тянулись унылые дни старших классов, пока после девятилетнего выпуска Азмира окончательно не забросила среднюю школу и пока одиннадцатый год среднего обучения Холоду не пришлось заканчивать при полном отсутствии объекта любовного вождения (на долгое-долгое время он утратил потерявшийся след, погрязший в пучине плотского греха и полового разврата).

Встретились они спустя чуть более года, когда Андрей поступил в Нижегородскую академию МВД, где обучался на первом курсе и где осваивал оперативную специальность. Тагиева тогда уже слыла профессиональной шалавой, так и не овладев пока никакими другими навыками, позволявшими честно зарабатывать насущные деньги. Повстречались они случайно, прямо на улице, причем она его не узнала и совсем уж хотела проследовать мимо, как будто и не заметила... Но! Влюблённый парень, к тому времени достаточно осмелев, сам окрикнул прошагавшую мимо милую девушку:

– Азмира, стой! Я давно пытаюсь тебя разыскать: мне нужно сказать тебе что-то очень и очень важное, – сказал отчетливо, ясно, а затем, после небольшой паузы и потупив книзу глаза, смущенно добавил: – а главное, личное.

«Купленная» проститутка спешила на встречу к очередному клиенту, немного запаздывала, а потому (по понятным причинам!) не могла терять наличного времени; но... она, ошарашенная невиданной смелостью, вдруг образовавшейся у недавнего застенчивого юнца, заинтригованная, поневоле остановилась.

– Чего тебе надо? – произнесла недоброжелательная брюнетка, запыхаясь от быстрого шага. – Давай говори... только, пожалуйста, покороче и, если можно, быстрее: я очень спешу.

– Как бы нам с тобой встретиться в другой обстановке, более спокойной и располагающей к длительному общению? – спросил в тот раз юноша, пытаясь завязать с ней хотя бы простую дружбу. – Может, оставишь мне телефончик?

– Записывай, – брякнула недовольно Тагиева и продиктовала молодому курсанту (одетому, кстати, в полицейскую форму) сотовый номер.

В тот день Холод уехал учиться, вернулся же в родное Иваново лишь через месяц. Когда в один прекрасный момент у Азмиры зазвонил новехонький телефон (как по закону подлости, почему-то именно в тот самый момент, пока она ублажала следующего клиента) незадачливая брюнетка сначала даже не поняла, кто с ней сейчас разговаривает.

– Мира, – так ее звали исключительно друзья и знакомые, – привет! Это я.

– Кто такой – я? – недовольно пробурчала она в мобильник.

– Холод Андрей, – промолвил звонивший парень, немного смутившийся от грубого тона, – помнишь такого?

– Чего тебе надо? – не меняя неприветливых интонаций, дерзила Азмира. – Я сейчас занята.

– Ты обещала, что позволишь пригласить тебя в уважаемый ресторан, – настойчиво продолжал влюбленный поклонник.

– Что-то я такого не помню... – задумчиво усмехнулась молодая путана, но вдруг, словно почувствовав, что случилось именно то (самое!), о чем она беспрестанно мечтала, в момент ухватила за представленную возможность, как рыбак подсекает пойманную рыбёшку: – Хотя, ладно, давай приглашай.

В тот день они сговорились на первую встречу, и с тех пор между ними установилась прочная (если и не любовная, то во всяком случае не менее близкая) связь, в которой практичная девушка не слишком спешила переходить от платонических отношений к интимным и искренне чувственным. А ещё! Она вовсе не торопилась посвящать новоявленного избранника в теневую стóрону распущенной жизни и раскрывать перед ним сразу все «грязные карты» (интуитивно, на фоне глубокого подсознания, она понимала, что нужная «рыба» закинутый «крючок» хотя и заглотила, но всё же неокончательно).

С тех самых пор, едва появляясь в Иваново, Андрей сразу же назначал безумно любимой брюнетке очередное свидание и вел ее в полюбившийся ресторан, располагавшийся на центральной площади Пушкина. Вот и сейчас, Тагиева согласилась на обычную вечернюю встречу, обозначив молодому человеку время в девятнадцать часов и ненавязчиво заставив пригласить на старое место. Воодушевленная немаловажной причиной, подразумевавшей некое таинственное признание, красавица очень спешила: ей (поскольку ванну после последнего клиента она уже приняла) нужно было успеть «намарафетить» невыразительный макияж, а затем и принарядиться соответственно особого случая. Заскочив в попутный продуктовый магазин, чтобы купить пропойце родителю водки, Тагиева ненадолго забежала в квартиру, где, одарив «любимого папочку», проследовала в собственный будуар. Уединившись, принялась активно украшать и без того непревзойденную внешность. Она слегка подвела естественные ресницы, нанесла на веки легкие тени, набросала на румяные щеки тональной пудры, после чего облачи-

лась в красивое тёмно-синее платье, укороченное чуть выше колен и сплошь покрытое яркими блестками (она купила его на днях, намереваясь использовать специально для аналогичного случая, и еще ни разу до наступившего времени не примерила). Приобретенный наряд оказался ей «как тому подлецу» (которому всегда всё к лицу), да так удивительно складно, что Азмира на несколько минут замерла, не веря, что именно она смотрит на себя с той стороны зеркального отражения; да, можно не сомневаться – она непременно сразит любого, чего уж там говорить про какого-то наивного полицейского паренька, и так пребывавшего в ее безграничной власти, и не смевшего ей хоть чем-нибудь воспротивиться. Поскольку всю наступил июнь месяц, колготок она одевать не стала, облачив прекрасные ноги в остроносые чёрные туфельки, оказавшиеся на слегка завышенном каблуке. Оставалось взять с собой неизменную дамскую сумочку – и всё, ее сегодняшний туалет может считаться полностью состоявшимся! Как окончательный итог, быстро бежать на запланированное свидание, столь длительный срок неприкаянной красавицей ожидаемое... так, впрочем, она и сделала.

Когда преобразившаяся дочь выходила из уютной каморки, отгороженной от основных помещений едва ощутимой стенкой, непутёвый отец уже изрядно «принял на грудь» и чувствовал себя превосходно, наслаждаясь, как он считал, вполне удавшейся жизнью.

– Куда расфуфырилась, грязная шлюха? – не сумел он сдержать зловредного замечания, но и невольно поразился бесподобной красотой повзрослевшей дочери. – Опять пошла позорить почитаемого родителя?

– Позорить?! – с негодованием воскликнула обалдевшая девушка, никак не желавшая привыкнуть к незаслуженно хамскому обращению. – Интересно спросить, а где Вы, отнюдь не любезный папенька, были, когда мне в шестнадцать лет пришлось идти на блудливую, безнравственную панель – водочку кушали? Так вот и жрите, а не то договоритесь и больше ее никогда не увидите. Обижусь, «...вашу мамашу», уйду – а вот тогда поглядите... самому придется идти зарабатывать.

Так сложилось, что язвительная дочка обращалась к отцу на высокопарное «Вы», но не потому, что чересчур его уважала либо любила, а напротив, хотела лишний раз показать, до какой он степени безразличен. Мужчину (с его-то потерянной гордостью?) поначалу предвзятое отношение несколько раздражало, но потом, совершенно утратив чувство человеческого достоинства, он стал воспринимать выказываемый негатив нормально, всецело естественно.

Еще раз подарив безответственному родителю взгляд, полный нескрываемого, ледяного презрения, Азмира нарочито фыркнула и словно легкий ветерок выпорхнула на улицу. На дворе было еще светло, оделась она прилично, поэтому такси вызывать не стала, а отправилась на площадь Пушкина, следуя в обычной маршрутке. Как и полагается любой, уважающей себя, девушке, она опоздала на пятнадцать минут.

Преданный кавалер давно находился на месте и в томном ожидании ёрзал на ресторанном стуле; он собирался сказать нечто самое важное, однако никак не мог собраться с правильными мыслями, с чего же все-таки стоит начать судьбоносное, совсем не деловое, признание. Что же невероятного, необычного могло так сильно тяготить беспокойную юную душу? Подходил к концу второй семестр первого курса его высшего обучения, а готовясь к экзаменам, он имел свободное время и уникальную возможность ненадолго покинуть учебное заведение. Небольшую отсрочку влюблённый парень решил использовать, чтобы съездить в родное Иваново, а оказавшись дома, сделать Тагиевой серьёзное предложение. Какое? Конечно же, попросить её выйти замуж и стать его обожаемой, дражайшей супругой. Вдохновлённый великой целью (разумеется, тайком от обоих родителей) молодой курсант долго сэкономил выдаваемые ему учебные капиталы, и умудрился приобрести для милой избранницы дорогое кольцо, украшенное драгоценным бриллиантом. И вот именно его он собирался преподнести сегодня возлюбленной девушке, причем вместе с мужественной рукой и пламенным сердцем. Оно и неудивительно, что значимое, едва ли не сенсационное обстоятельство явилось причиной крайнего

возбуждения. Когда прекраснейшая из девушек легкой походкой вошла в пристойное помещение, плывя по полированному паркету так грациозно, словно бы сказочный лебедь передвигался по игравшей глади спокойного озера, ей сразу же бросилось то крайне волнительное состояние, что захватило любимого человека. Нежно поцеловав его в гладкую щёку (далее у них покамест не заходило), она уселась на стуле, оказавшись прямо напротив смущённого кавалера, выглядевшего очень и очень неловко. Наблюдая, как лицевая мимика меняется в разных красках, становясь то бледной, то красной, а то бело-красной одновременно, отменная актриса изобразила нескончаемую заинтересованность; она уставилась несмелому кавалеру прямо в глаза, как бы обозначая, что поскорее желает узнать, чего же конкретно явилось поводом необычного поведения. Буквально поедая молчаливого собеседника томящимся взором, Тагиева (может, о чём и догадывалась?) только еще сильнее его смутила, заставив отвести взволнованный взгляд и виновато потупить изумленные, максимально восхищенные, очи.

– У нас что-то случилось? – не желая более оставаться в блаженном неведении, настойчивым тоном спросила Азмира. – Что именно, Андрюша, тебя беспокоит? Расскажи, я послушаю, и если существующая проблема находится в моих скромных силах, то, нисколько не сомневайся, я обязательно помогу.

От убедительных слов Холод засмутился гораздо сильнее. Брючный карман «обжигала» красивая малиновая коробочка, где, с его точки зрения, находился самый бесценный бриллиант; с его помощью застенчивый парень собирался от самоуверенной девушки, бесподобной и восхитительной, добиться сегодня согласия на совместную жизнь. Однако его горло словно сковало каким-то неожиданным спазмом, и юный воздыхатель никак не мог выдать из себя те самые несколько слов, какими и принято решать судьбы двух влюбленных горячих сердец. Видя его тягучую нерешительность, молодая особа, нисколько не смущённая, решила взять инициативу в прожжённые руки, запачканные в развратной грязи, и рачительно помочь порядочному поклоннику.

– Ты собираешься поведать мне что-то важное? – пронзая нерешительного юношу кокетливым взглядом, беззастенчиво поинтересовалась распущенная девица, отличавшаяся лёгким, ничуть не закомплексованным, поведением. – Это как-то касается наших с тобой отношений?

– Определенно, – скрипучим, а где-то срывающимся голосом ответил неуверенный кавалер, – от того, что я собираюсь сейчас сказать, действительно зависит дальнейшая жизнь как моя, так в точности и твоя.

– Интересно, чем бы это могло оказаться? – игриво состроив прекрасные глазки, Азмира подталкивала возлюбленного к отважному шагу. – Я прям истомилась вся в волнительных ожиданиях?

Не имея в прошлом похожего опыта, неискушённый парень не знал, с чего следует начинать искренние признания, боясь сказать или сделать что-нибудь несуразное, от чего ему непременно ответят непоправимым отказом. В то же время не следует думать, что он не репетировал сей ответственный миг, многократно демонстрируя его перед зеркалом в ванной. Что именно? Как он смело будет вести себя в важной для всех ситуации; как уверенно станет признаваться в любви и произносить ту самую фразу, после которой восхищённые девушки, в сентиментальных романах, непременно бросаются любимым героям в трепетные объятия; как, привстав на колено левой ноги, протянет ей таинственный сувенир; как медленно приоткроет красивую крышку; как покажет ей дорогое кольцо, хранящееся внутри; как загорятся ее бездонные глаза от огромного счастья, долгожданного, душевного, искреннего – все это он отчетливо видел, но разве в наполнявших взволнованный разум несмелых фантазиях. На деле он никак не мог собрать воедино разбежавшиеся в лихорадочной спешке сумбурные мысли и не был способен подобрать всего-навсего нескольких слов, после каких уже ничто не сможет различить его с прекраснейшей на всём белом свете милой возлюбленной.

От тягостных размышлений его оторвал подошедший официант, заученной фразой осведомившийся о готовности сделать необходимый заказ. Его непроизвольное появление, в том безумном волнении, охватившим взбудораженный мозг чистого, невинного юноши, явилось желаемой передышкой.

Десять минут ушло на целевое удержание возле себя услужливого сотрудника. Наконец все основные блюда посчитались заказанными, а значит, и задерживать дольше постороннего человека оказалось бы глупо, да и просто смешно. Азмира, не перестававшая сверлить небойского собеседника любящим взглядом (ничуть не наигранным, ведь в глубине извращённого сердца она его, несомненно, любила), решила сама предоставить ему лёгкую перемену, чтобы позволить собрать воедино разрозненные, бессвязные мысли, а в непринужденном общении заручиться хоть какой-то маломальской решимостью. Поменяв, прежде всего, выражение прекрасного личика на веселое, беззастенчивое, уже через секунду она мастерски увела разговор на отвлеченную тему.

– Если еще не «созрел», то пока и не надо, – сказала она, кокетливо хлопая якобы смущёнными глазками, – скажешь потом... ты надолго приехал?

– Нет, – ответил Андрей; радостный, он облегченно вздохнул и мысленно поблагодарил сообразительную подругу за проявленное участие, – на пару дней... а затем обратно, в Нижегородскую академию... экзамены нужно сдавать.

– Дело хорошее, – начиная уплетать принесенные яства, с восторгом заметила беззаботная девушка, – ты парень умный – сдашь обязательно; а там, глядишь, не заметишь, как лейтенанта получишь.

Застольная беседа перешла в непринужденное русло и текла в произвольных темах до окончания праздного вечера, оказавшегося не таким уж и напряженным. Но вот! Наступил кульминационный момент, когда был съеден последний десерт, – и тут молодой человек, разгоряченный лёгким алкогольным напитком, употребленным ими во время совместного ужина, более чем достаточно осмелел, уверенным движением достал красивую упаковку, поверху украшенную блестящим орнаментом, встал перед обожаемой девушкой на колени и, склонив пониже повинную голову, протянул ей последнее доказательство безграничной влюбленности.

– Прошу тебя, Мира, – промолвил он срывающимся голосом, – стань моей любимой супругой.

Совестливая девушка (ну, вот зачем?!), буквально сраженная долгожданным поступком, не нашла в тот знаменательный миг ничего другого, более лучшего, как, не удержавшись, разразиться безудержным плачем. Обливаясь непрошенными слезами и не принимая дорогого подарка, она призналась в ужасной правде, неотвратимой и горькой, суровой и неприглядной:

– Ты ничего про меня не знаешь!.. Я обыкновенная развратная проститутка!

Глава V. Жуткое положение

Теперь стоит вернуться к рассаднику декоративных растений и попытаться выяснить, что же (примерно тем же самым временем) происходило в безлюдной местности, где оказалась несговорчивая «сменщица», недалёковидная коллега по совместному опасному бизнесу? Как уже говорилось, Слон понес бесчувственную путану в ветхое сарайное помещение, его же злобный подельник остался дожидаться приближавшегося пожилого охранника, дежурившего в загородном питомнике.

Мужчина пятидесятичетырехлетнего возраста, он являлся отставным милиционером и, чтобы не сидеть в непривычном бездействии, устроился работать в частное охранное предприятие; в дальнейшем его закрепили за отдалённым, в основном всегда пустынным, объектом. Отдав государственной службе лучшие годы жизни, где постоянно терпел волнительные лишения и подвергался невероятным нагрузкам, усердный труженик оставил на охране ивановского правопорядка большую часть здоровья, отмеренного благодатной природой; в результате он заработал многочисленные хронические недуги. О неприятном положении дел свидетельствовали основные, характерные признаки: высокий рост, худощавый и сгорбленный, выдавал человека с явным заболеванием желудочно-кишечного тракта; вытянутое лицо, болезненно осунувшееся и испещренное вьёвшимися морщинами, нисколько не умаляло первого впечатления; серо-голубые глаза, потухшие и безжизненные, лишней раз оказывались тому косвенным подтверждением. Отправляясь на суточное дежурство, одинокий охранник оделся, как и принято, в камуфлированную военную форму, подкреплённую прочными чёрными берцами.

Так получилось, в тот злополучный день он заступил на смену совершенно один и в ближайшем окружении не имел ни единого человека, способного оказать хоть маленькое содействие. Около часа ночи, совершая очередной обход, он явственно различил, как мимо растениеводческого питомника проезжает подозрительная машина, ярким светом освещавшая близ расположенную окрестность. Почему ему наприсился безошибочный вывод? В обозначенном направлении и днём-то мало кто ездит, но – чтобы еще и ночью?! – такое ему встречалось видеть впервые. Оставаясь верным сложившейся многолетней привычке, бывший служитель закона, не забыв в душе чертыхнуться, решительным шагом направился посмотреть, что именно послужило причиной необычайной активности, какая развернулась сегодня возле всегда спокойного места. Может показаться непростительной глупостью, но точно еще не зная, представляют ли странные передвижения хоть какую-нибудь опасность, он не стал о них никому докладывать, решивши действовать на собственный страх и риск. Буквально через пару минут ответственный мужчина услышал женские призывы о помощи и, даже не подозревая, что может его поджидать (хотя и не позабыл извлечь наружу травматическое оружие и привести его в боевую готовность), ускоренным шагом двинулся по направлению пронзительных криков.

Именно тусклый свет, излучаемый от карманного фонаря, и привлек настороженное внимание преступного Константина. Являясь начинающим бандитом и не успев ещё обзавестись огнестрельным вооружением, он не имел при себе ничего, кроме острозаточенного ножа. Говоря его же словами: «Во всех случаях я привык полагаться на личную безграничную ярость, которая охватывает меня в сложные моменты экстренных ситуаций и которая помогает внушать поганым недругам и обыкновенный человеческий страх, и почтительный, едва ли не сверхъестественный трепет». Да! Яростный гнев его представлялся просто ужасным. Вот и сейчас, скрестив перед собою обе руки и накапливая безумную, лютую злость, обеспокоенно выжидал, когда к нему приблизится потенциальный покойник, неразумно решивший расстроить их грандиозные планы. Электрический свет неминуемо приближался, и через пару мгновений, сквозь его мерцавшие отблески, стал вырисовываться невыразительный силуэт худого мужчины.

– Тебе чего?! – упреждающе крикнул Беркутов, добавив грубому голосу металлических ноток. – Мотай-ка подобру-поздорову отсюда, «по на хер» – не создавай себе лишних проблем!

Невзирая на однозначное изречение, немолодой человек медленно продолжал сближаться. Когда между разносторонними оппонентами оставалось не более полутора метров, он наставил личное оружие на отороженного преступника и уверенным голосом озадачил:

– Вы кто такие и чего здесь творите? Я слышал жалобный женский голос, кричавший о помощи.

– Убери свою «пушку» – это тебе не Чечня, – злобно отрезал грозный бандит, смачно сплюнув в сторону отважного собеседника, – да и-и... я тебя не боюсь. Ты лучше сам отвечай: кто такой, раз набрался безмерной наглости со мною связаться?!

– Я охранник с питомника декоративных растений, – безбоязненно отвечал отставной служитель правопорядка, – Арсентьев Сергей Сергеевич, а потому еще раз требую, чтобы Вы себя назвали, а заодно разъяснили: что именно сейчас происходит?

– Тебе того, «пень старый», предпочтительнее не знать, – молодежавый «беспредельщик» продолжал вести себя чересчур вызывающе, – будешь целее! Короче, могу разъяснить, кто я такой... ты, правда, очень желаешь выяснить? Ну, так слушай: я Костя-киллер, и этим, надеюсь, все сказано! Как я уже посоветовал, «вали» давай по-хорошему, а то неровно появится мой огромный приятель... И вот тогда! Увидев тебя с «беспантовой» игрушкой в руке, он чудовищно обозлится – а, уж что случится в последующем?.. Тут я ручаться не буду.

– Я позвоню в милицию, – деловито сказал непугливый охранник, а в подтверждение достал из нагрудного кармана простенький телефончик.

В тот же самый момент из покосившегося сарая вышел звероподобный детина, а придав себе выражение расвирепевшей гориллы, всей массой бросился на худого мужчину, выказывая очевидное намерение сделать ему как можно больнее. Завидев приближавшуюся махину, Арсентьев (когда между ними оставалось метра четыре) принялся стрелять из травматического оружия, каждый раз попадая по несравненно объёмной «мишени»; оно и неудивительно, промазать в настоящем случае стало бы попросту невозможно – настолько велик был ярый противник и близко до него расстояние. Однако разъяренный Михайлов словно и не чувствовал причиняемой боли и не замечал нещадно попадавших в него резиновых пуль – он продолжал уверенно приближаться. Едва озверелый парень достиг невзрачного неприятеля, как в ту же секунду, размахнувшись большущей рукой, сжатой в массивный кулак (напоминал стальную кувалду), и помогая внушительным корпусом, резко съездил тщедушному обидчику по лицу.

– Не сильно!.. – успел лишь воскликнуть громким голосом Константин.

Но было уже достаточно поздно: сокрушительная затрещина достигла назначенной цели. Воздействие случилось настолько мощным, что бывший служитель закона, непроизвольно хрюкнув, безжизненно завалился на спину и, мгновенно лишившись чувств, остался лежать без признаков жизни. Не успев отойти от принятых, как минимум, четырех болезненных попаданий, Слон, для пущей убедительности, пнул по безжизненной голове – двинул по ней нехилой ногой, обутой в жесткий армейский ботинок. Он бы ударил ещё разок, но тут к нему подскочил Костя-киллер и, оттолкнув необъятного товарища, пожётче воскликнул:

– Ты убьешь его?! Хватит!

Но большому преступнику, видимо, было мало: он никак не мог простить (пусть и бесчувственному противнику) того наглого нападения, какому он минутой назад бесцеремонно подвергся. Вопреки настойчивому тону беспрекословного (вроде бы?) лидера, Михайлов еще несколько раз порывался прорваться к безвольному телу Арсентьева, чтобы продолжить жестоко его тиранить; он бешено перебежал из стороны в сторону, а каждый раз, завидя на пути мелкорослого соучастника, резко менял приоритетное направление, пытаясь прорваться с другого маршрута. Ему потребовалось никак не меньше пяти минут, чтобы окончательно избавиться от негативных эмоций (как не говори, но время всё-таки лечит). Потихонечку успо-

коившись, Алёха остановился и, восстанавливая естественное дыхание, энергично водил массивными желваками.

– «Старый ублюдок»! Он что, разве не знает: стрелять из позорного «травмата» в живых людей – значит делать им больно... он что, ничего такого не представлял?

Зная о недалеком уме гориллообразного компаньона, Беркутов не придавал его словам никакого значения, а напряжённо стал осматривать лежащего на земле избитого человека – тот не подавал ни маленьких признаков жизни. Приложив (как видел в фильмах) два пальца на шею поверженного противника, он прислонил их напрямую к сонной артерии. Ничего не почувствовав, наполнился наигранной скорбью, предательски усмехнулся и сокрушенно промолвил:

– Во ты, Слоняра, даёшь?! Походу, ты все же его убил... – он лукаво, печальный, вздохнул, – говорил же я ему «будешь тише – станешь дольше». Так нет! Не поверил он мне – и что из всего этого вышло? Теперь вот лежит... тихо так, ну! прям как «рыба об лёд» – недаром меня славят безжалостным Костей-киллером.

– Но ведь я вроде его... того... – попытался возразить огромный детина, недоверчиво взглядевшись в самовлюблённого предводителя.

– Вот именно, – жёстко отрезал беспечный преступник, привставая от мертвого тела, – вот именно! Ты лучше скажи: чего мы будем делать с убитым? Может, как и обычно, окажем последние почести да где-нибудь захороним.

– Не знаю?.. – ответил Михайлов, пожимая неимоверно большими плечами. – Можно оставить и здесь – чего зря с «жидким ушлёпком» таскаться?

– Так я и думал, что ничего более умного – как, впрочем, и всегда – ты сейчас не предложишь, – с недовольством сплюнув на неподвижное тело, озадачился Беркутов, – бери его за руки и помогай снести до машины.

Дважды повторять не пришлось, послушный бандит, хотя и обладавший массивным ростом, но отлично осведомленный о вздорном характере отмороженного приятеля, приподнял человеческий труп за обозначенные конечности, а дождавшись, когда второй «работяга» как следует схватится, направился в сторону стоявшего неподалеку таксомоторного транспорта (Константин умышлено выбрал себе нижнюю телесную часть, так как нести за нее представлялось намного легче). Пройдя те пять метров, что отделяли их от захлопнутого багажника изрядно потрёпанной «Волги», они открыли заднюю крышку, а затем забросили туда отставного офицера Арсентьева, безвременно ушедшего из жизни, точнее беззащитно ими убитого.

– Смотри-ка, и «сетка-рабица» есть – глядишь, как удачно! – машинально заметил разумный преступник, моментально предположив, что с ее помощью станет делать. – Предусмотрительный водила как знал, что она пригодится, – и злобно рассмеялся пришедшейся мысли.

Закончив с несложной погрузкой, оба отпетых негодяя облегченно вздохнули: они наполнились осознанием исполненного жуткого долга, а главное, чёткой уверенностью, что им наконец-то можно заняться насущным делом, ради которого, собственно, все ужасное лихое действо и было затеяно. Не сговариваясь, рьяные подельники проследовали в ветхий сарай, где, прижавшись к дощатой стене, сидела дрожащая девушка (она пришла в себя) и где в полуметре, рядом, лежал бесчувственный водитель такси [его пришлось оглушить гораздо сильнее, чтобы избежать ненужных телодвижений (по-видимому, не обошлось и без закрытых черепно-мозговых повреждений)].

Зажигаясь безжалостным гневом, Костя присел перед пленённой жрицей-любви, а глядя ей прямо в заплаканные глаза, грубо, но и настойчиво произнес:

– Ты ведь не будешь кричать и брыкаться?

Красивая проститутка была крепко связана клейкой лентой, выделявшейся серебристым оттенком; с ее же помощью заклеивался и миленький, но голосистый роток. Трясясь от бессо-

знательного страха и непроизвольно обливаясь слезами, она помотала головой то кверху, то книзу, давая понять, что впредь окажется гораздо покладистой. Не без причинения чувствительной боли, одним резким движением сорвавши тот липкий «скотч», молодой «беспредельщик» предоставил ей отвечать. Скосив зарёванные глазёнки и посмотрев на лежавшее поблизости безвольное тело, Анжелика с дрожью в голосе попыталась себе прояснить:

– Что вы с ним сделали?

Перехватив напуганный взгляд, а соответственно сразу определив, что конкретно она имеет в виду (опасаясь такой же нелепой участи в том числе для себя), Беркутов обернулся к стоявшему сзади редкостному верзиле. Сделавшись удивленным, с наигранным интересом спросил:

– Ты чего это, Слон, ему сделал?

– Ничего серьёзного, – равнодушно отвечал огромный преступник, – он пока еще жив.

– Видишь, – придавая лицу любезное выражение, продолжал Константин, – он пок-а-а ещё-ё-о жив; но, опять же, как говорит мой большой товарищ, – это пока. Кстати, а ты как... случайно присоединиться к нему не желаешь?

– Нет, – откровенно отвечала молодая путана, – но что вы всё же таки хотите?

– Алёха, объясни красивому тугодуму, что от нее теперь нужно, – сказал беззастенчивый предводитель, прытко вставая и отстраняясь чуть в сторону, – только, гляди, будь, пожалуйста, добр, не сильно усердствуй: нам на сегодняшний день случайных покойников, походу, достаточно.

Ясно слышав на улице пистолетные выстрелы, громкие крики и характерный шум ожесточённой борьбы (сейчас же видя перед собою живыми обоих преступников), догадливая девушка закономерно предположила, что именно до неё пытаются сейчас донести; она испугалась гораздо сильнее, и не заметила, как не нарочно описалась. Наступил черёд бандита Михайлова. Заменяв перед трящейся жрицей-любви говорливого предводителя, он ухватил ее огромной ручищей за тонкую шею, легко, без видимых усилий, высоко поднял над землей, громоподобно рыкнул, а затем, обдавая беспомощную жертву вонючим дыханием и забрызгивая омерзительными слюнями, озлобленным голосом прокричал:

– Будешь работать на нас!!!

– Тише ты, Слон, – осадил неуёмного сообщника Беркутов, обратив внимание, как на Гордеевой интенсивно намокают сетчатые колготки, что отчетливо замечалось даже в предрассветном, небольшом полумраке, – смотри-ка, она невольно обоссалась!.. Как бы от сердечного приступа «кони не двинула»?

От последних слов здоровенный детина презрительно сморщился и резко бросил ссанную позорницу оземь – та больно ударилась и жалобно застонала. Нетрудно понять, все те ужасные страдания, что испытала по их прямой вине Анжелика, остервенелым преступникам виделись полностью безразличными: им требовалось побыстрее презренную проститутку «сломать» (по правде, она уже и так не помнила себя от неподдельного страха). Теперь к ней приблизился Константин; он пренебрежительно ухватился за шикарные волосы, приподнял верхнюю часть бесподобного туловища от земляного покрытия и, переместив обратно к стене, прислонил ее спиной с таким расчётом, чтобы непременно оставалась сидеть.

– Все ли ты, милая крошка, сейчас поняла? – наполнившись выразительным, хотя и искусственным сладострастием, дикий отморозок вернулся к недавней беседе. – Что еще тебе объяснить?

– Что я должна на вас делать?.. – потерянным голосом поинтересовалась молодая путана. – Я согласна на всё.

– Хм? – скривившись в задумчивой мине, с явным недоверием промолвил закоренелый бандит, – это точно?

– Абсолютно, – беспомощно закивала укрощённая Анжелика.

– Вот это деловой разговор, – почувствовав, что зашуганная девушка «обратного хода» не даст, начал напыщенный деятель ознакомительный инструктаж, – благополучно отсюда выбравшись, ты пообщаешься с тремя остальными подругами; сама их попытаешься убедить, что с вашей «точки» каждый текущий месяц должно «прилетать» не менее тысячи баксов – больше можно, но меньше нельзя!

Здесь в серьёзном наставлении вознамерился поучаствовать заодно и Михайлов, который громко рассмеялся, порадовавшись плоской, но убедительной шутке. Вмиг осажённый гневным взором бесшабашного предводителя, он немедленно замолчал и прикрыл неуёмный рот огромной ладонью. Беркутов меж тем продолжал:

– Если кто-то по какой-то причине не захочет тебя поддержать, то ты им доходчиво объясни, что они удостоятся чести познакомиться с непревзойдённым «слонищем»; с ним, между прочим, уже довелось иметь дело и лично тебе, и еще одной вашей, излишне дерзкой, шалаве.

Говоривший уголовник взял короткую паузу, чтобы убедиться, что доведённые слова и осознанны, и поняты правильно; он придирчиво осмотрел внимающую девушку и, удовлетворившись испуганным видом, продолжил злободневные наставления:

– Сверх прочего, разъясни им, пожалуйста, что я не потерплю никаких закулисных инсинуаций и, если кому-то взбредет неразумная мыслишка «потравить нас местной милицией» – тьфу, дьявол, уже, наверно, полицией?! – гнев и мой лично, и моего огромного друга окажется беспощадным. Короче, недовольного человека, мелкими кусками, станут разыскивать по всей Ивановской области! Все ли, мерзкая шлюха, тебе понятно?

До настоящего момента разговаривая любезным, вкрадчивым тоном, последнюю фразу Константин произнес с такой безграничной ненавистью, что заставил перепуганную блондинку затрястись значительно больше (хотя, казалось бы, уже невозможно).

– Да, – подтвердила она дрожащим голосом, вот-вот готовая рухнуть наземь и остаться без чувств.

– Раз всем всё становится ясно, – добавил злорадный бандит, обращаясь к большому товарищу, – тогда, Слон, сломай-ка ей – но только так, для приличия! – несколько ребер. И постарайся, безмозглый детина, на этот раз все же не убивать: она нужна нам живая, а то, как я уже и говорил, вместо неё сам на блудливую панель отправишься подрабатывать.

От вида продвигавшейся машины зачумлённая девушка закрыла глаза и еще до первого удара полностью лишилась сознания.

Глава VI. Знакомство с родителями

– Как проститутка?! – ошалело воскликнул Холод, широко раскрывая смущённые очи и привставая с колена. – И... давно?

Бестактный вопрос вырвался слишком громко. Сидевшие рядом ресторанные посетители невольно оглянулись в их сторону и презрительно зашушукались. Азмира, давно смирившаяся с неприязненным отношением, ни на кого вокруг не обратила внимания, а напротив, нисколько не смутившись, сама поинтересовалась, утирая глаза от жгучих слез и зажигая их приятельной нежностью:

– Разве это чего-то меняет? По-моему, если человек по-настоящему любит, то какая ему, «на хер», разница, кем являлась супруга до свадьбы? Заметь, ей пришлось заниматься грязным, развратным делом с шестнадцати лет, чтобы прокормить и себя, и непутёвых родителей – разве не все ли оно равно искренне полюбившему человеку?

– Да... но проститутка?.. – опечаленный парень уселся на прежнее место, продолжая вертеть бесценный подарок. – Мои родители не поймут: они у меня из аристократических, самых благородных, кровей.

– Так я всегда и знала, что ты родительский, никчёмный сыночек и что у тебя вообще не существует личного мнения – и зачем я только с тобой, сопляком молочным, безрадостная, связалась?! – Тагиева резко привстала, решительно собираясь покинуть элитное здание. – Ты меня подвезешь?.. Теперь нет смысла скрывать в каких убогих трущобах я проживаю.

Действительно, до сегодняшнего случая Азмира всегда находила любые, пускай и неправдоподобные, предлоги, лишь бы обеспеченный кавалер (кстати, он обладал автомобилем хорошей иностранной модели «тойота») никогда не сопровождал и не довозил до обшарпанного, полусгнившего дома – она предпочитала ходить либо пешком (если не поздно), либо же вызывала такси (если темно). Андрей, ослепленный безграничной любовью, целиком доверял возлюбленной девушке; он так и не удосужился разузнать, чем же по-настоящему живет его суженая, мысленно себя убеждая: «Раз она так поступает, значит, так надо».

Озарив лицо непринужденной улыбкой, Тагиева постояла, не двигаясь с места, ровно двадцать секунд. Видя, что впечатлённый воздыхатель настолько ошарашен преподнесённой новостью, насколько никак не может оправиться от нервного шока, она презрительно усмехнулась и уверенной, горделивой походкой направилась к выходу. Порочная красавица была уже почти у самых дверей, когда Холод наконец-таки вспомнил, что он, помимо прочего, еще и галантный молодой человек. Бросив на круглый стол наличную плату, содержащую хорошие чаевые, он быстрым шагом кинулся догонять.

Так получилось, что из здания они выходили вместе. Вдруг! В тот же самый момент (словно по какому-то роковому стечению обстоятельств) они столкнулись с родителями Андрея, точно так же решившими провести вечернее время вдвоём и потратить его на посещение элитного ресторана, оказавшись там как бы случайно... Однако на самом деле всё обстояло не так.

Отец молодого курсанта являлся полковником полиции УМВД России по Ивановской области и занимал один из высокопоставленных, влиятельно весомых, постов. Он слыл человеком властным, облеченный огромным авторитетом. Пройдя нелёгкий жизненный путь, Холод Вячеслав Александрович давно перешагнул сорокапятилетнюю возрастную отметку и уверенно стремился к сорока семи годам, прожитым с биологического рождения. Статный мужчина, при высоком росте, он имел стройную, подтянутую фигуру, облачённую в дорогой светло-серый костюм, одетый под белую мужскую сорочку, с красивым галстуком; да, смотрелся немолодой человек солидно, изящно, а внешний вид его впечатлял безраздельно. Особо можно выделить следующие основные черты: широкоскулое, чуть вытянутое, лицо, имев-

шее на удивление гладкую кожу, как будто бы отливалось из бронзы; голубые глаза казались настолько светлыми, что походили на ясное небо (их уверенный взгляд сверлил любого, кто с ним не общался, стараясь проникнуть в глубокую душевную сущность); нос прямой, небольшой, без признаков курносости либо иной кривизны; ровные продолговатые уши чуть отступали, не создавая значительной лопухости; короткие волосы, неестественно блондинистые (словно у девушки), укладывались аккуратной прической – словом, все те отличительные признаки, способные передать, что его высоконравственная натура отличается непререкаемыми принципами, а заодно и интеллектуальным, великосветским снобизмом.

Именно Вячеслав Александрович, узнав, что непутёвый отпрыск во время важной экзаменационной сессии беспричинно приехал в родимый город, взял на себя несложный труд и поручил подчиненным сотрудникам, дабы те незатейливо, не привлекая внимания, но и немедленно установили побудительную причину, казалось бы, неразумного поведения. Через пару часов ему подробно докладывали о Тагиевой всю её подноготную, не забывая уточнить, что у них назначена вечерняя встреча; она планировалась в «респектабельной забегаловке», расположенной на площади Пушкина. Страшное негодование охватило закаленного, обычно беспристрастного, человека! Он в ту же секунду подумал, что истинной целью презренной личности, обладающей чувством заниженной социальной ответственности, является только одно: затащить неразумного сыночка в постель, а потом быстренько на себе, непристойной, женить, испортив благополучную жизнь и сломав блистательную карьеру. Последние известия принесли к концу рабочего дня, поэтому он и не успел попасть к началу провокационного, отчасти практичного, randevu. Едва получив тяжелую весть, он сию же секунду забросил служебные надобности и стремительно поспешил домой. Он рассказал супруге о свалившемся великом несчастье, а заодно и предложил немедля вмешаться в сыновью судьбу (чтобы тот – не приведи Господь! – не наделал непоправимых ошибок). Мать, как ей и положено, всплеснула руками, чуть не повалилась без чувств, но все-таки сумела взять себя в руки, причем не преминула изъяснить неотъемлемое желание поучаствовать в вечернем посещении златного ресторана (где их доверчивого мальчика попытается облапошить коварная проститутка).

Холод Ирина Васильевна, давно уже немолодая, она прекрасно сохранила девственную фигуру, не наделив ее ни излишней полнотой, ни другими внешними недостатками (достигнув сорокалетнего возраста, находилась в естественном теле). Сегодня, в тревожный день, ее изумительные очертания подчеркивались красивым зеленым платьем, расшитым золотой тесьмой и усыпанным бесконечными блестками. Весь остальной, не менее восхитительный, облик выглядел невероятно эффектно: невысокий рост удачно компенсировался удобными черными туфельками, отмеченными слегка завышенным каблуком и одетыми в тон спускавшейся с плеча дамской сумочке; круглое симпатичное лицо казалось чуть вытянутым, что придавало видимую продолговатость; мягкая, нежная кожа в области щек выглядела в меру напудренной; зеленые глаза, излучавшие бескрайнюю доброту, окаймлялись густыми, изящно затушеванными, ресницами; на веках присутствовал незначительный макияж, однотонный коричневатой помаде, украшавшей тонкие губы (они плотно сжимались от общей нервозности и материнского недовольства); маленький нос смотрелся прямым, несколько вздернутым, обозначая непримечательную курносость; аккуратные уши, плотно прижатые к голове, на верхних окончаниях отходили немного в стороны; светло-русые волосы, длинные и волнистые, с правого края распускались пышной прической, с левого закладывались за ухо, где отмечалась золотая сережка, увенчанная отнюдь не маленьким изумрудом.

Вот с такими представительными людьми и пришлось столкнуться и лично Азмире, и ее беспечному, крайне доверчивому, приятелю. Видя, что молодые люди собираются уходить, и, как водится, заподозрив неладное (как бы подлая девчонка не начала склонять нерадивого парня к непоправимому, до крайности опрометчивому, поступку, а затем и к прямому сожи-

тельству), влиятельный офицер остановил их обоих на выходе и властным тоном, не терпевшим никаких возражений, сурово распорядился:

– Вы куда это, дорогие ребятки, собрались? Нет, не уходите так скоро, а давайте-ка вернитесь назад: нам нужно с вами серьёзно поговорить.

Выражая явное недовольство и еще не зная, с кем конкретно имеет дело, Тагиева бесцеремонно спросила:

– А какого, извиняюсь спросить, непонятого перепуга я с вами должна беседовать? Ты кто вообще, мил дядя, такой?

– Мой отец, – тихо промолвил Андрей, печально потупившись, но и не позабыв, однако, представить почтенных родителей, – Вячеслав Александрович; моя мама, Ирина Васильевна.

– Извините, – чуть стушевавшись, искренне повинулась Азмира, – я честно не знала... Насчет разговоров?.. Здесь, я думаю, вы с ними чуть-чуть опоздали: мы с вашим сыном встречаться не будем.

Уверенная, что успокоила любые сомнения, способные возникнуть к беспутной особе, она уже совсем хотела отправиться дальше; но тут... Холод-старший заметил у легкомысленного чада крепко сжимаемую подарочную коробочку. Не будучи дураком, он мгновенно предположил, что раз у них дошло до душевного предложения, то здесь, уж точно, ничего еще не закончилось; а значит, требовалось предпринимать целенаправленные, скорые меры – открыть неразумному сыну глаза, причем в обязательном присутствии «мерзопакостной шлюхи». Не теряя зря времени и продолжая напускать на грозную персону представительный вид, высокопоставленный офицер беспрекословно промолвил:

– Оставайтесь ещё на одну минуточку, а там можете отправляться, куда бы только не захотели. Полагаю, дольше мы Вас не задержим.

Хотя Тагиева и считалась девушкой в себе уверенной, но под властным взглядом опытного полковника, излучавшего непревзойденную силу, не нашла ничего лучшего, как податливо согласиться:

– Хорошо... если это так важно.

Увлекаемые умудрёнными родственниками, молодые люди прошли обратно, в ресторанное помещение; они направились напрямик к недавнему столику, только-только ими оставленному (с него ещё ничего не успели убрать, за исключением, правда, оставленных в уплату немаленьких денег). Уселись друг против друга: отец смотрел на Азмиру, мать – на беспечного отпрыска. Являясь бывалым оперативником, Вячеслав Александрович не спешил начинать основной разговор, предпочитая более плавное течение мысли. Чтобы к нелёгкой беседе как следует подготовиться, он подозвал угодливого официанта и сделал приличный заказ. Пока готовились горячие блюда, они пили сухое вино и говорили на отвлеченные темы. Тагиева нетерпеливо ёрзала на «раскалённом» стуле, показавшимся ей едва ли не пыточной дыбой. Находясь в тревожном ожидании, мысленно недоумевала: «Что же интересно мне собирается поведать великосветский папа несостоявшегося супруга?» Наконец, когда принесли приготовленные яства, влиятельный мужчина, неторопливо приступая к еде, перешел к насущной теме, волновавшей более всего остального:

– Скажите, Азмира, – имя он знал из подробного отчета подчиненных сотрудников, – как давно Вы знаете нашего сына?

Вопрос выглядел обычным и не содержал (вроде бы?) никакого подвоха, поэтому простодушная девушка, не считавшая себя ни в чём виноватой, не замедлила честно признаться:

– Мы вместе учились в школе; правда... он – классом старше... а, разве это так важно?

– Нет, – промолвил полицейский полковник, невольно нахмурившись, – просто мне любопытно: как давно вы встречаетесь и далеко ли продвинулись ваши близкие отношения? Насколько я успел узнать, – с официального тона он перешел на обычный, – хотя ты и не получила достаточного образования, но особой числишься далеко не глупой, то есть должна себе

понимать, что для любящих родителей похожие вопросы стоят не на самом последнем месте. Если здесь всё понятно, давайте вернемся к главной проблеме. Потрудись-ка все же ответить: давно ли вы тесно дружите, раз дело у вас дошло, скажем такю... до откровенного предложение?

Тагиева одарила недавнего кавалера таким презрительным взглядом, что тот готовился провалиться на месте; она же беззастенчиво проясняла:

– Если Вы беспокоитесь в плане порочного секса, – она самым наглым способом усмехнулась, – то у нас его еще не было – и теперь никогда не будет! Почему? Ваш родительский сыночек оказался бесчестным трусом и, вопреки сильным любовным чувствам, испугался взять в жены презренную проститутку. Да, да! – отреагировала она на изумленный взгляд чувствительной матери. – Я ему искренне во всем повинилась, аккуратно когда он делал драгоценный подарок. Извините, я не хотела, чтобы между нами оставались серьезные недомолвки... Идиотка! Я полагала, что если он действительно любит, то не испугается взять в жены развратную девицу, обладающую заниженным социальным статусом. Но сказочного чуда не произошло – все безвольные мужики одинаковы! В любом случае я поступила честно, а главное, правильно... Полагаю, я развеяла Ваши сомнения – именно это Вы хотели узнать?

Сохраняя напыщенный вид, полицейский офицер выслушал пламенную тираду молча и никак не прерывая порочной красавицы, отважившейся на беспрецедентный, если не дерзкий поступок и попытавшейся «поставить на место» (целого!) влиятельного полковника. Однако одного чистосердечного признания ему оказалось мало (неравнодушного родителя заботил внутренний мир удрученного сына), поэтому, едва Азмира закончила говорить, он снова спросил:

– Хорошо, пусть будет так. Другой вопрос: зачем ты влюбила в себя молодого, несмышленного человека? При первой же встрече надо было ему открыться, а не затягивать неразумного юношу в коварные сети. Почему ты, – Холод хотел назвать развратную оппонентку «грязной шалавой», но все же сдержался, – позволила неразумному парню зайти в тех искренних желаниях так далеко?

– Она здесь не виновата... – попытался встать на защиту усовестившийся поклонник, ранее стыдливо молчавший.

Закончить он не успел, так как его беспардонно прервал амбициозный отец, сверкнувший на непослушного сына яростным взглядом:

– Ты вообще, доверчивый разиня, молчи, пока тебя не спросили! Ты уже и так чуть-чуть не натворил непоправимого дела, связавшись с развратной женщиной, падшей до наиболее низкого уровня. Хорошо еще, втайне от нас она не успела тебя на себе женить – несмываемого позору было б на всю ивановскую!..

Удивительное дело, на этот раз молодой человек проявил такую черту характера, как мужественная твердость. Словно и не обращая внимания на разгневанный вид, он убедительно заявил:

– Я люблю Азмиру еще со школы, а точнее с пятого класса, когда она не являлась ещё проституткой. Долгое время, заметьте себе, она и не подозревала, что я питаю к ней страстные чувства. Так что если кого и винить, то только меня – а правая девушка здесь вообще ни при чём!

Поражённая благородным поступком, совершённым застенчивым кавалером, Тагиева окинула его выразительным взглядом, выражавшим и неподдельное восхищение, и огромную благодарность; они возникли в результате немаловажной поддержки, как нельзя вовремя оказанной в сложной словесной борьбе. Вдохновленная отважным поступком, она не смогла обойти любезного кавалера признательным изречением:

– Спасибо, Андрей, ты поступил как настоящий мужчина, – выразив искреннее радушие и желая закончить тягостный разговор, униженная путана приготовилась уже подниматься. –

Надеюсь, засим вечер воспоминаний можно считать законченным? Если, да, то, простите, я и так здесь у вас изрядно «подзадержалась»; а меня еще ждут состоятельные клиенты, за счет которых приходится жить, ведь у меня не было таких благополучных родителей и влиятельного папаши, способного хоть чему-нибудь нормальному научить. Я прекрасно понимаю, что каждый должен быть на собственном месте – я внизу, вы вверху; и недаром говорится: рожденный низко ползать, летать высоко никогда не сможет. Ох! На что я только могла надеяться, связавшись с вашей чрезвычайно завышенной личной самооценкой? Найдите родительскому сыночку достойную девушку, а я личную жизнь устрою без вашей весомой поддержки, и притом обязательно. Потом? Я с гордостью смогу смотреть всем вам, заносчивым богатеям, в лицо...

Невзирая на обильные слезы, двумя нескончаемыми ручьями струившиеся по испачканным тушью милым щекам, несравненная красавица ослепительно улыбнулась, поднялась с «позорного места», вдруг ставшего убедительно неудобным, распрямилась горделивой осанкой и бесподобной походкой направилась к выходу.

Глава VII. Окончание ночных откровений

Пока одна из самых красивых девушек, уподобившись плывшему по волнам великолепному лебедю, мягкой поступью выходила из развлекательных помещений и, гордая, покидала элитное заведение, отец состоятельного семейства поневоле провожал ее взглядом, наполненным подчёркнутым уважением. Едва лишившись объекта восхищённого созерцания, он посмотрел грозным взором на удручённого сына и торжественно произнес:

– Вот, Андрей, и кончилось твое недостойное увлечение. Надеюсь, ты понимаешь, что для будущего офицера связываться с низкопробной путаной – это просто недопустимо?! Хорошо еще, она оказалась не настолько расчетливой стервой, как, к примеру, все остальные девушки, посвятившие загубленную молодость незавидной, но грязной «профессии». Я рад, что мне не пришлось применять служебное влияние, чтобы обезопасить тебя от роковой, бездумной ошибки, – высказав неоспоримое мнение, беспрекословный мужчина чуть помолчал, давая сыну переварить услышанное, а более мягким голосом ему обозначил: – Не при матери будет сказано, но если тебе, к примеру, не вмоготу, и хочется падшую девушку, то «сними» себе типичную шлюху, заплати нормальные деньги – а жениться не обещай. Поверь мне на слово, для создания крепкой семьи нужно выбирать жену рачительную, которая будет надежной опорой всю долгую жизнь, в которой ты будешь всецело уверен, которая не закрутит за твоей спиной развратные шашни и которая не предаст тебя в самый трудный этап насыщенной жизни, а напротив, пройдет с тобой нелёгкий путь до конца. Ярким примером является твоя мама! Так что же ты мне ответишь, несознательный сын?

– Не ведаю, что и сказать? – неуверенно промолвил Андрей, потупив книзу слезившиеся глаза и придав себе стыдливое выражение. – Однозначно знаю только одно: я очень сильно люблю ту славную девушку, причем давно, еще с далёкого детского возраста. Хотя я и пытался смотреть на других, но ничего к ним не чувствовал, даже простой похотливой страсти, невольно сравнивая их с – ТОЙ! – что милее всех на всём белом свете. Недаром именитые астрологи говорят, что судьба не посылает посторонних людей, а значит, наша встреча была неслучайной, а предначертана свыше. Вполне возможно, сейчас я совершаю самую большую ошибку: послушавшись вас, отпускаю возлюбленную, ставшую и дорогой, и на весь остаток жизни единственной.

Во время пламенной речи ясные глаза молодого курсанта наполнились горестными слезами, а дыхание вдруг стало прерывистым, предупреждая, что того вот-вот захватят безудержные рыдания. Состояние его было близко к критическому, поэтому пришлось вмешаться Ирине Васильевне. Увидев сыновью отчаянность, она, выжидающе молчавшая, но искренне переживавшая, материнской любовью и ласковым голосом, попыталась вырвать опечаленного ребенка из захватившей любовной хандры, немного отвлечь его от тяжелой, практически нестерпимой, утраты:

– Послушай-ка, милый Андрюша, не стоит так убиваться из-за случившегося несчастья, страшного горя. Не сомневайся, я отлично понимаю, как тебе сейчас тяжело; но... если бы та девушка – пусть даже и развратная проститутка! – вдруг оказалась нормальной, показала нам искреннюю любовь, безропотное смирение, бесхитростную натуру, бескорыстную и порядочную, а не стала бы проявлять норовистый характер, то, скажу откровенно, я смирилась бы, наверное, с твоим непутевым выбором и согласилась бы...

Договорить чувственную речь, наполненную материнской лаской, до конца она не успела... Резко вмешался упивавшийся исключительным превосходством полицейский полковник:

– Что за чушь вы – оба! – несете? Какая еще, к чёрту, любовь? Какие астрологи? Она грязная проститутка – недостойная почтенной семьи! Ты, Ира, совсем, что ли, ополоумела,

раз говоришь несмышленому пацану непревзойденную ахинею? Ты что, хочешь всю его жизнь поломать, причём в самом ее начале, и пустить с растленной женщиной под откос? Ты разве не знаешь, что падшие женщины никогда не способны быть верными, искренними подругами? Я всю служебную будничность общаюсь только с такими и, поверьте, не видел ни единого исключения. Короче, свадебная тема закрыта, и я искренне рад, что все закончилось именно так, и наш догадливый мальчик сам для себя сделал правильный выбор, – он на какое-то время замолк, пытаюсь скинуть те негативные чувства, что захватили и внезапно, и полностью; однако, видя, что молчаливые собеседники внимают ему, обозначившись виноватыми выражениями и не в силах поднять затуманенные глаза, надменно возобновился: – Я понимаю – любовь! – когда она возникает у людей, равных и по социальному статусу, и в общественной жизни. Но! Когда сын далеко не последнего человека встречается с какой-то «третьесортной» шалавой, причем пророчит в равноправные жёны – и даже покупает бриллиантовое кольцо?! Тут, извините, я просто обязан вмешаться, чтобы уберечь его от роковой, огромной ошибки. Итак, всё ли тебе, Андрей, дословно понятно?

Юноша поднял на родителя заплаканные глаза, наполненные солёной и едкой влагой, а затем голосом, охваченным невероятной печалью, попробовал оправдаться:

– Я прекрасно, папа, всё сознаю, но поделаться с собой ничего не могу: мои чувства настолько сильные, что я готов следовать за той прекрасной девушкой хоть на самый край света. Она запала в мое сердце с того удивительного момента, когда я стал понимать половые различия между мальчиками и девочками, и с тех самых пор она надёжно поселилась и в трепетной душе, и в пламенном сердце. Признаюсь, я пытался избавиться от жгучей занозы, и даже специально, захваченный непобедимой целью, не виделся с ней невероятно долгое время; но... едва повстречав, моя платоническая любовь вспыхнула значительно больше и завладела моим помутнённым сознанием гораздо сильнее. Естественно, мне неприятно, что она пала так низко, но к тому ее заставила суровая жизненная действительность, не оставив никакого иного, наиболее достойного, выбора.

– Послушай, Слава, единственного ребенка, – поддержала говорившего сына добродушная женщина, сидевшая, как известно, напротив, – возможно, стоит дать ему уникальный шанс пожить с любимой девушкой, чем женить его по непреклонной родительской воле, и все равно в итоге сделать несчастным. Не забывай! Потом мы навсегда останемся виноватыми, что не дали ему пройти предрешённый жизненный путь самому. Пускай он сам следует туда, куда ему предначертано, набивает большие шишки, влюбляется и ошибается, мучается и страдает, но – лично! – без нашей с тобой медвежьей услуги. Может, всё-таки стоит дать ему редкостную возможность?

Полковник полиции смотрел на близких людей если и не сплошь ошарашено, то, по крайней мере, нисколько не понимая (как?!), каким образом он, целиком отдаваясь нелёгкой работе, сумел упустить главное дело безукоризненной жизни и вырастил неприлично мягкотелого сына. Ладно, чуткая женщина (ее с глубокой нежностью ещё можно как-то понять) – но вот здоровый, сильный, умный «парнишка», подающий большие надежды... чтобы он так неоднозначно свернул с намеченного пути? Его поведение оставалось совершенно непостижимым. В конечном счёте, выслушав чувствительные мнения обоих, он сделал неприятную отмашку и, опечаленный, решил, что разговор, никчемный и бесполезный, пришла пора завершать, о чём и выразил неотвратимое мнение:

– Я вижу, что вы – ни тот, ни другая – никак не уйметесь, поэтому, извините, кто-то должен быть в малодушной семье отчасти жёстким, подчас жестоким, а частью безжалостным, способным не поддаваться на коварные чары безнравственной проститутки. И пусть я сделаюсь впоследствии вам ненавистен, но именно мне предстоит взять будущую судьбу в надёжные отцовские руки. В общем, с нынешней минуты, мои дорогие родные, я постановляю следующее решение, не подлежащее никакому обжалованию: наш неразумный мальчик сегодня же

уезжает в учебное заведение – я лично его туда отвезу! – а впредь он лишается всех положенных ему карманных финансов и останется жить только за счет бюджетных ассигнований. И еще! Колечко дорогостоящее, любезный сыночек, тебе придётся отдать. На этом у меня пока всё. Если же, вопреки моему пожеланию, ты, Андрюша, наберешься завидной смелости и пойдешь против отеческой воли, то с той ключевой минуты будешь кормить и себя самого, и вновь созданную семью – исключительно на заработанные собою денежные средства! Кто не согласен?

Таковых не нашлось. Противоречить негибшему полковнику считалось делом бесперспективным и глупым, а потому, подтвердив уважительное отношение молчаливым согласием, и мама и сын не проронили ни единого слова – аж вплоть до полного окончания неприятного ужина.

К тому времени Азмира давно уже находилась по месту жительства и одиноко лежала в «холодной» кровати, обдумывая произошедшее за день. «Я абсолютно правильно сделала, что рассказала Андрею голую правду, – размышляла она с безысходной печалью, – еще до того не презентабельного момента, как ему сообщил бы высокомерный папаша – пусть теперь все знают, что я не в высшей степени прожжённая «сука», и главной моей целью является отнюдь не жёнин хомут, одетый на состоятельного мужчину. Жалко, конечно, что не удалось вырваться из унылой, мерзопакостной жизни, но Холод парень хороший, и обманывать его – лично у меня не хватило бы дёвичьей совести. Ну и что, раз он по натуре чуть трусоватый и раз влиятельных «родаков» боится сверх всякой меры?.. В душе он очень совестливый, а главное, до безумия преданный – такой, уж точно, никогда и ни за что не предаст. Пусть всё идет своим чередом, и если Богу станет угодно соединить наши любящие сердца, значит, мы непременно будем с ним вместе. Ну, а ежели, нет? Так что же... разве только на нём свет клином сошелся? С моими-то внешними данными!.. Разумеется, я одна не останусь».

Так рассуждала Тагиева, пока не зазвонил ее сотовый телефон. «Кому я понадобилась в столь позднее время?» – задалась она недовольным вопросом, поднося к глазам новенький смартфон, представленный последней моделью iPhone-а. Оказалось, звонила белокурая «сменщица». «Этой-то чего ещё надо?» – недоброжелательно подивилась молодая путана, но все же ответила.

– Что случилось? – пробормотала она, обращаясь к близкой подруге и прекрасно осознавая, что в неурочный час по незначительным пустякам никто названивать не отважится.

С той стороны послышался заплаканный голос, принадлежавший зашуганной коллеге по нездоровому бизнесу. Срывавшимся от боли и ужаса голосом Анжелика проговорила:

– Мира, помоги мне, пожалуйста, – послышались жалкие всхлипывания, – я попала в беду – мне очень нужна твоя неотложная помощь.

Пока она говорила, и Беркутов, и его огромный товарищ, предоставив измученной жертве один телефонный звонок и убедившись, что она звонит именно тому, кому надо (а не, скажем, в полицию), направились к захваченному автомобилю, преспокойненько в него «погрузились», незамысловато пустили в работу и вывели на прямое направление, собираясь следовать к неотдалённому городу. Услышав тархтевший шум отъезжавшей автомашины, Азмира, находившаяся на том конце сотовой связи, отчётливо поняла, что давняя подруга находится где-то на улице, и решила уточнить конкретное место:

– Ты сейчас где? Куда мне приехать?

Подробно объяснив, куда ее злодейская судьба завела, и, не переставая плакать, Гордеева попросила поторопиться. Действуя по неписанному закону взаимной выручки, Тагиева позвонила в ночное такси, а заказав к дому мобильный транспорт, принялась собираться в непростую дорогу. На улице уже почти рассвело: время на циферблате близилось к четырём утра.

Тем временем двое преступных друзей, решивших «подмять под себя» весь незаконный предпринимательский бизнес, направленный на оказание в Иванове сексуальных услуг, продвигались по ярославской дороге и находились в угнанной «Волге». Продуманные и деловые, они решили предоставить развратным девочкам поговорить без непосредственного присутствия; а заодно (как уже сказано, солнце всюду выходило из-за восточного горизонта) им в спешном порядке надлежало избавиться от мёртвого трупа. Они, конечно, могли закопать его на новоталицком кладбище, но предприимчивую голову Константина посетила идея получше... Однако доводить ее до туповатого поделщика он сразу не стал, а молча обдумывал, пока они двигались по загородной дороге.

– Скоро город, – сказал Михайлов, управлявший машиной и предполагавший очевидные неприятности; он сделал вполне справедливое замечание: – Там пост ГАИ. Если нас на нём остановят, да еще и посмотрят в багажный отсек, думаю, найдут покойное тело – как бы нам не нажать себе существенных неприятностей?

– Всегда поражался, как вовремя ты умеешь подавать интересные мысли, – не без едкой усмешки заметил благоразумный поделщик, – ты что же, мог предположить, будто бы я не знаю, что впереди располагаются наши «доблестные гайцы»? Ты, наверное, забыл, что всегда имеются объездные пути – или без моего прямого участия сам-то «допетрить» не сможешь? Короче, правь на Песочево, а дальше через мост – на Авдотьино.

Не достигнув опасного места, два отморозенных спутника оказались недалеко от неширокой реки, озаменованной интересным названием Увудь. На дворе стояло ранее утро, и интенсивного транспортного движения, к удаче, не наблюдалось.

– Стой! – резко скомандовал Беркутов, когда до городской окраины оставалось чуть менее километра. – Надо подготовить особый «груз» к речному «дальному плаванию».

Скрипучим смешком второй бандит подтвердил, что отлично понял криминальные замыслы, посетившие смышлёного соучастника. Они остановили экспроприированное такси, съехав немного в сторону, открыли объёмный багажник и без особого труда извлекли оттуда лёгкое тело худого охранника. В продолжение преступных помыслов отпетые уголовники достали оцинкованный моток «сетки-рабицы», а расстелив ее на травянистой земле, по-быстрому замотали бездыханное туловище. Чтобы продолговатый «сверток» поместился обратно, предварительно (пока еще шла злая «упаковка») пришлось сломать остывавшему трупу обе ноги, а потом заломить их назад, чтобы получилось приемлемо. Когда «спеленоченный» покойник погрузился обратно, а закрытая крышка спрятала его от постороннего, излишне любопытного, глаза, лютые соучастники посчитали, что могут спокойно двигаться дальше.

Подъехав к автомобильному мосту, они остановились точно посередине. Время плавно перевалило за отметку пяти часов, поэтому по пригородной магистрали начинали снова транспортные средства, хотя и редкие, но всё-таки нежелательные. Намеренно пропустив четырёх потенциальных свидетелей, Костя-киллер выбрал удачный момент, когда возникло очередное «затишье». Едва последний автомобиль поднялся в крутую гору, а следом скрылся из виду, возбуждённым голосом вскрикнул:

– Всё, Слон, давай скидывай – и будь что будет!

Без особенного труда, почти не напрягаясь, большой человек легонько подхватил ужасную ношу, для него оказавшуюся совсем нетяжелой, перегнул ее через низенькие перила, а затем ненавязчиво сбросил вниз, не забыв ехидно пожелать «спокойного плавания». Едва заметя губительные следы, оба злостных преступника энергично уселись в угнанную машину и скорёхонько отправились восвояси.

В тоже самое время Азмира, следуя на безотказном такси, подъезжала к загородному местечку Буньково, где располагался питомник декоративных растений. Без особенного труда найдя и одинокий, и неказистый сарайчик, указанный побитой подругой, она покинула жёлтую «Волгу» и бегом устремила во внутреннее пространство. Чудовищная картина, представшая

ошеломлённому взору, с одной стороны напуганному, с другой возмущённому, казалась жутковатой, ежели не кошмарной: на земляном полу лежал бессознательный человек, по-видимому имевший серьёзную головную травму; ближайшая подруга, болезненно побряхтывая и обливаясь нескончаемыми слезами, сидела, прислоняясь к деревянной стене, а её роскошное тело, некогда выглядевшее несказанно прекрасным, сплошь покрывалось синими кровоподтеками и чёрными гематомами (лицо, однако, оставалось нетронутым).

– Что случилось? – с ужасом спросила Тагиева, искренне переживая за искалеченную подругу. – Кто это сделал?

– Даже не спрашивай, – трясась от безвольного страха, прошептала Анжелика измученным голосом, не в силах пошевелиться от терзавших болезненных ощущений, – потом расскажу, а пока отвези меня отсюда куда подальше, только, пожалуйста, не в лечебницу: не хочу подробных расспросов – боюсь, не выдержу и во всем им сознаюсь; а тогда всё... хана... однозначная смерть.

Вторая девушка, подгоняемая безотчётным испугом и искренним состраданием, выбежала на улицу и позвала в активную помощь участливого водителя. Вдвоём они поспешно перетаскали обоих людей, изувеченных и измученных, осторожно поместили в машину такси и, несмотря на отчаянные протесты Гордеевой, повезли в первую городскую больницу, оказавшуюся от страшной местности ближе, нежели все остальные лечебные заведения.

Глава VIII. Неприятные размышления

Едва они вошли в приёмное отделение, покалеченной девушке первым же делом ввели обезболивающее лекарство, содержащее сильнодействующее снотворное. Пока Гордеева еще не уснула, она подвергалась тщательному осмотру. Получилось, Слон избил её более-менее аккуратно, не причинив истязуемой мученице ни единого перелома; зато нестерпимых страданий он ей доставил великое множество (на истерзанном теле не существовало ни одного живого места, где бы не остался отпечаток увесистых тумачков, хлестких шлепков и резких затрецинов). Установив, что общее здоровье измученной пациентки серьезной опасности не подвержено, её переместили на больничную койку, а Тагиевой порекомендовали отправиться отдыхать, пояснив, что исцеляемая подруга проспит, как минимум, целые сутки. Сердобольной девушке ничего другого не осталось, как безропотно подчиниться.

В тревожном ожидании и полном неведении прошли весь следующий день и сменившаяся ночь. Переживая за измученную приятельницу, «работать» никому не хотелось, и никакие, даже самые выгодные, «заказы» не принимались; с тревожным сердцем, сжимавшимся от чудовищной жути, каждая ожидала, когда Анжелика проснется и когда она просветит всех остальных в возникшую суть проблемы, в чём-то нетипичной, а где-то пугающе страшной. Но жизнь не стоит на месте, и постепенно недолгий период, какой отводился на сон, постепенно закончился; значит, можно было отправиться выяснить, что же с ней всё-таки приключилось. В лечебное отделение, куда и положили Гордееву, Азмира прибыла около девяти утра, наступившего аккуратно через сутки, прошедшие с трагического момента, когда ее обнаружила. Подмаслив угодливых санитаров хрустевшими долларами, она, вопреки больничному расписанию, выбила первичное посещение и в неурочное, и в раннее время. Как бы участливая «коллега» не торопилась, но всё-таки немножечко припозднилась. Когда она появилась, возле измученной девушки находились двое оперативных сотрудников, непременно желавших узнать, что именно явилось натуральной причиной и жуткого, и крайне невзрачного состояния. Впрочем, никакие уловки не действовали, и Анжелика держалась упорно, незыблемо, стойко. Более всего она опасалась нешуточных, вполне осуществимых, угроз, накануне поведенных Костей-киллером. Недобро расставаясь, он жёстко заметил, что «если она вдруг попытается навести на них «поганных ментов», то «сделать звонок дражайшему другу» ей впоследствии не представится; напротив, после предательского поступка, искать ее станет негде, так как раскромсанное туловище окажется разбросанным по всей Ивановской области». Немалые опасения прочно отложились в подсознательной памяти, поэтому избитая путана отчаянно не хотела признаваться ни в настоящих причинах телесных мучений, ни в том вопиющем факте, кто же на самом деле к ним оказался причастным. Полицейские «бились» с ней свыше целого часа, но ни к какому обоюдывыгодному консенсусу прийти не смогли: негибаемая блондинка настойчиво старалась их убедить, что виновата сама, а соответственно, личное обвинение выдвигать никому не станет (она ссылаясь, что якобы упала с высотной постройкой). Но! Матёрые оперативники не являлись полными дураками и, принимая во внимание многочисленные травмы разностороннего свойства, настаивали на чисто правдивом ответе (сейчас они, раздраженные, как раз требовали уточнить, сколько раз она падала, а главное, зачем – черт возьми! – снова и снова поднималась на слишком опасную высоту?). Вконец измученная, Гордеева разразилась безудержным плачем и буквально забилась в неуживчивую истерику, да так настойчиво сильно, что в затянувшуюся беседу вынужденно вмешался лечащий доктор. Он убедительно пожелал, чтобы измученную пациентку на какое-то время оставили в полном покое.

Успокаивать страждущую девушку допустили только Тагиеву, которую (как нетрудно догадаться) призвала сама Анжелика. Душевная подруга вошла и, едва они остались вдвоем (посоветовавшись всем маленьким коллективом, было решено организовать больной отдельное

помещение, проплатив за него необходимую валютную сумму), вопросительно уставилась на приятельницу, терпеливо ожидая, когда та сделает запоздалое признание и когда начнёт рассказывать, что же явилось истинной причиной невероятных страданий (может показаться удивительным, она почему-то была уверена, что услышит именно горькую правду, в какой и так несколько не сомневалась). Чтобы подтолкнуть к насущной беседе, бойкая посетительница сама навела трусоватую «сменщицу» на нужную тему.

– Это был Костя-киллер вместе со звероподобным товарищем? – беззастенчиво поинтересовалась она, нежно, двумя руками, держась за покоцанную ладонь. – Они с тобой это сделали – ведь так? Я не ошиблась?

– Да, – чуть слышно отвечала Гордеева, наполняя голубые глаза жгучей, солоноватой влагой, – именно они, и, поверь дорогая сестричка, я никогда не думала, что живые люди могут вести себя настолько жестоко, – сказала она обычным голосом, а затем, понижая голос до полупшепота, еле слышно добавила: – Они даже, похоже, кого-то убили... С чем мое предположение связано? В общем, – она оглянулась, словно боялась, что смогут подслушать, – я слышала возле ужасного сарая оглушительную стрельбу, а потом отчётливые удары беспощадного избиения, где пострадали, уж точно, не те зловещие гады, какие потом меня бессердечно мучили.

Напуганная до полусмерти, деввица так и не решалась произнести вслух имена закоренелых преступников, предпочитая заменять их подходящими по смыслу недвусмысленными словами. Однако Тагиевой хотелось услышать ту главную причину, какая побудила их к буйному, едва ли не безумному поведению (хотя и здесь, можно не сомневаться, она прекрасно знала ответы), поэтому с тревожной настойчивостью допытывалась:

– Они что-то хотели? Наверное, «охранные» деньги – сколько им надо?

– Со всех четверых требуют тысячу долларов в месяц, – всхлипнув, отвечала старшая девушка, – на вдумчивое согласование дали одну неделю, потом обещали поступить похожим способом с каждой, кто выразит несогласие. А ещё! Кого-нибудь, для пущей острастки, пообещали убить.

– Вообще озверели два «безбашенных» «беспредельщика»! – охваченная естественным негодованием, воскликнула Азмира чуть громче. – Двести пятьдесят долларов с человека, ого?! Где интересно мы раздобудем такие огромные деньги? Предположим, при самом удачном «раскладе» наш ежемесячный доход не превышает четыреста баксов – и что же в итоге получится? Мы будем отдавать почти всю личную выручку, а сами останемся на голых бобах, только так, чтобы с голодухи совсем не загнуться. Ох, чувствую, с предложенной перспективой мы скоро и вовсе останемся без штанов.

– Ты можешь предложить чего-то другое? – пострадавшая «сменщица» продолжала настойчиво всхлипывать. – Или, может быть, на соседнюю койку прилечь захотелось? По моему, здесь либо вконец забрасывай невыгодный бизнес и отправляйся работать – как и все нормальные люди – либо «вставай» под действительную охрану от замороженной парочки. Не знаю, как ты, но я ничего иного и делать-то не умею. Считаю, добровольно-принудительное предложение надо принять!.. Придётся как-то выкручиваться, тем более что рано или поздно нечто подобное всё равно бы случилось, и пускай не эти двое, так обязательно нашелся бы кто-то третий, кто на халяву пожелал бы зараз пожить.

– Да, – безропотно согласилась Тагиева, опечалившись значимо больше (она отлично поняла, что, как и все остальные, попала в безысходную историю), – будем платить, зато хоть жить продолжим спокойно, понимая, что – вот так просто! – на нас никто не «наедет», никуда не вывезет да жестоко не изобьёт. Словом, лично я согласна, но надо ещё заручиться позитивной поддержкой и остальных подружек... хотя-а?.. Возьму на себя смелость предположить, что они, как я, не откажутся.

Решившиеся девушки проговорили ещё чуть более получаса, но, правда, на отвлеченные темы, охваченные обыкновённым человеческим состраданием; они общались, пока не подо-

спело время исцелительных процедур и пока Азмире не предложили покинуть внутреннее расположение. Отдав дань почтения и выяснив неутешительные условия, она отправилась на съёмную квартиру, предназначенную для их «незаконной работы», где в тоскливой тревоге дожидались две другие подруги. Как и предполагалось, обе они отнеслись к свалившимся неприятностям «с большим пониманием» и безропотно согласились «отстёгивать долю». Пока Анжелика находилась на длительном излечении, ее «рабочее» время, отведенное на клиентский приём, в равной мере поделилось между оставшиеся любвеобильными жрицами, а развратные сутки распределились на три составные части.

По прошествии семи дней (как и оговаривалось), появился безжалостный Костя-киллер, сопровождаемый огромным подельником. В очередной раз они выслеживали Тагиеву возле «древнего» дома, убогого и невзрачного, чтобы «подвалить», когда она, ничего не подозревающая, возвращается с законченного «дежурства». Еще не достигнув настезь распахнутого подъезда, молодая путана почувствовала поджидавшую впереди лихую опасность; но... она отважно пустилась навстречу злосчастной судьбе. Наверное, по причине ее полной осведомленности, когда выросли две озлобленные фигуры, Тагиева нисколько не удивилась и вовсе не испугалась.

– Договорные деньги собрали? – буркнул Беркутов голосом, настолько уверенным, насколько он вообще не сомневался, что могло быть как-то иначе.

– Да, – спокойно отвечала Азмира, открывая дамскую сумочку и отсчитывая десять сто-долларовых купюр (она словно была уверена, что за назначенным «лаве» придут именно к ней, поэтому искомые деньги носила с собой).

Перелистав валютные ассигнации, изображавшие Бенджамина Франклина, Константин расплылся в довольной улыбке и торжественным тоном провозгласил:

– Поскольку вы, милые девочки, оказались более сговорчивыми, чем некоторые другие – мы ведь тоже не лютые звери?! – значит, ваша месячная плата понижается до семисот долларов. Однако сейчас с вас всё равно останется тысяча. Почему? Вас слишком долго пришлось убеждать. В следующий раз передашь семь сотен – и точка! Всё ли тебе, писанная красotka, понятно?

– Да, – согласилась Азмира, немного обрадованная и не имевшая против бандитского послабления ни маленьких возражений.

Направляясь на выход, Костя-киллер расплылся в счастливой улыбке и, довольный удачно законченной сделкой, выдал небезызвестную поговорку, немного переиначив ее под себя:

– Добр Мартын, коли есть алтын; зол Костян, коли пуст карман.

С тех пор пошло обычное течение размеренной жизни, когда порочные «девочки» успешно отработывали «блудливое время», не забывая делиться ежемесячной выручкой с влиятельным сутенёром. Через тройку недель поправилась Анжелика, которая сразу же вернулась к исполнению «повседневных обязанностей». Кроме немаленьких выплат суровым бандитам, приличную сумму пришлось заплатить за длительное лечение; но как долговое обязательство Гордеевой оно не засчитывалось (все прекрасно осознавали, что она, единственная из всех, кто принял общий удар и что такая драматичная неприятность могла бы случиться с каждой из остальных). Однако то оказались еще не все крутые испытания, подстерегавшие близких подруг...

В один из погожих вечерков, спустившихся на город в самой середине июля, после окончания нелёгкого дня (в этот раз ей пришлось обслужить сразу шесть человек, что случалось нечасто) Тагиева, переодевшись в обычные шмотки, возвращалась пешком, пожелав чуть-чуть прогуляться – восстановить девичьи силы, растроченные в период нелёгкой «работы». Рабочий поселок всегда славился бесчисленным множеством захолустных проулков, глухих закоулков

и пустынных лесопосадок. Так вот, следуя по одному такому, изрядно заросшему зелёному коридору, Азмира беспечно перебирала несравненными ножками, мысленно предаваясь всё тем же насущным мечтаниям. Как и все последнее время, она думала о бывшем возлюбленном, бессовестно оставившем ее, едва лишь раскрылась ужасная, страшная тайна. «"Мерзкий слизняк", – думала она, недружелюбно вспоминая Андрея, – а ведь и я полюбила тебя невиданно сильно. Да, соглашусь, сначала я просто хотела тебя использовать, чтобы обрести настоящую половую свободу и чтобы навсегда распрощаться с похотливой, распущенной жизнью, но потом и сама не заметила, как начала испытывать к тебе трепетные, теплые чувства. С тех пор многое изменилось, но я все равно не смогла бы жить по-другому: злая, безжалостная судьба заставила меня пойти по грязной, распутной дороге, не оставив никакого иного выбора. Ах! Если бы я только росла в нормальной, счастливой семье, то все могло бы произойти совсем не так, и тогда от меня ни за что бы не отвернулся любимый молодой человек... Хм, интересно было знать: где он сейчас?»

Одна-одинёшенька продвигаясь по скрытой аллее и оставаясь наедине с печальными, скорбными мыслями, прекрасная девушка даже не полагала, что Андрей переживает ничуть не меньше и что он страшно мается из-за унижительного поступка, оказавшегося недостойным истинного мужчины. Действительно, стыдливый парень прекрасно осознавал, что поступил как последний предатель, вначале заполоскав несчастной красавице голову, а затем отстранившись, чуть только узнал о теневой стороне порочного заработка, – он так легко поддался на грозные угрозы папы-полковника?! «Ведь не она же первая ко мне подошла, – изнутри его терзали совестливые мучения, – я сам долгое время добивался от нее хоть какого-нибудь малюсенького внимания. А сам? Когда у меня всё почти получилось, я, последний мерзавец, позорно струсил и, как склизкая улитка, спрятался в раковину. Между прочим, моё непристойное поведение недостойно будущего офицера полиции, ведь если я начинаю с подлого предательства и бессовестного обмана, то что из меня в итоге получится?» То были невесёлые мысли, касавшиеся стыдливого чувства; но были еще и муки душевные, которые также не оставляли бесчестного, но страшно влюблённого человека. «А кроме того, – продолжал он страстные размышления, – я люблю ее практически безгранично, в связи с чем вполне отчётливо понимаю, что жить без нее я попросту не смогу... Даже не представляю?! Сможет ли, после неизгладимого позора и нравственной низости, она когда-нибудь даровать мне милостивое прощение?» Грустные, самокритичные размышления не давали молодому курсанту никакого покоя; в результате он кое-как, с огромным трудом, сдавал назначенные экзамены, заработав лишь самые низкие баллы. Вместе с тем, в силу болезненной нерешительности, он никак не мог набраться должного мужества и первым подойти к желанной возлюбленной, чтобы взять да и попросту от чистой души повиниться. Причина стойкой неуверенности виделась отчасти простой: он ни на одну секунду не смел надеяться, что красивого поступка, в чём-то незамысловатого, а где-то и героического, оказалось бы более чем достаточно, чтобы заслужить себе и милосердное, и полное искупление.

Размышляя в одно и то же время, о том же самом, оба возлюбленных даже и не рассчитывали, что думают сейчас одинаково. Однако не только отвергнутой любовью занимались в тот короткий миг честолюбивые помыслы развратной путаны: её беспросветное будущее, порочное и постылое, не считалось определённым и представлялось изогнутой, ломаной линией; она окуталась неосознанным страхом, возникшим из-за полной невозможности вырваться из жуткой, распущенной грязи, в которой, так или иначе, она утопала всё больше и больше.

Так она и шла, медленно перебирая излюбленными кроссовками, отличавшимися яркосиней окраской; сверху красовалась излюбленная рубашка, разукрашенная в крупную клеточку, а красивые ноги скрывались за плотными, удобными джинсами. Внезапно! Кареглазая брюнетка необъяснимо встревожилась: она вдруг отметила, что психологическое состояние значительно изменилось и что, помимо излишней усталости и сплошного разочарования,

возникла некая неприятная, трусливая дрожь, а по спине побежали многочисленные ледяные мурашки; сердце забилось настолько быстро, часто и сильно, что, даже сквозь внушительный бюст, его тревожный стук выделялся мощной, неугомонной пульсацией; кручинную голову словно сковало каким-то невидимым ободком – так натянулась объятая страхом «гусиная» кожа.

Азмира невольно остановилась, оказавшись не в силах найти нормального объяснения. Оторопело застыв, она прислушалась к волнительной обстановке. Ничто не выдавало посторонних присутствий: певчие птицы спокойненько щебетали, густая листва шелестела под лёгоньким ветерком, с недалёкой проезжей части слышался шум дорожного транспорта. Насмерть перепуганная брюнетка попыталась скинуть безвольное, ступорное оцепенение – стала делать глубокие вдохи, скрестив перед собою нежные пальцы и последовательно выпрямляя руки ладонью вперед. Исполняя нехитрое упражнение, она пробовала восстановить учащенное сердцебиение; но... оно вдруг сделалось словно чужое и никак не хотело слушаться рациональных команд, поступавших из перевозбуждённого, морально подуставшего, мозга.

«Что же мне пытается сказать безотказная интуиция? – задавалась молодая путана закономерным вопросом. – Что же, спрашивается, меня тяготит и какая поджидает крутая опасность?» Вдруг! Точно отвечая на последний вопрос, прямо перед ней возникла странная фигура неизвестного человека, жуткого и страшного, а еще и одетого исключительно в чёрное. Появился он из-за ближайших кустиков, причем возник до такой степени неожиданно-негаданно, что опешившая девушка, охваченная нормальным испугом, неумышленно громко вскрикнула, а следом, от дикого и небывалого ужаса, едва-едва не потеряла сознание.

Глава IX. Отчаянная битва

– Хватайте ее! – гнусавым голосом закричал «безбашенный» незнакомец, делая кому-то взмах правой рукой, очевидно, стоявшему сзади Тагиевой.

В то же мгновение, словно только того и ждали, ошеломлённую красавицу подхватили сильные руки, причем и с той и с другой стороны, а затем чуть-чуть приподняли кверху. Азмира попробовала активно брыкаться, пытаясь вырваться из цепких объятий; но справиться в одиночку с двумя хотя и худыми, но жилистыми парнями – такое слабенькой девушке случилось «не по зубам».

– Что вам нужно?! – истерично заголосила и возмущённая, и напуганная путана, намереваясь разглядеть хватающих её сзади невидимых личностей.

– А ну-ка молчать и смотреть исключительно на меня! – словно гремучая змея прошипел передний налётчик; в ту же секунду тычковым движением он «познакомил» хрупкую переносицу выбранной жертвы с увесистым, едва ли не стальным кулаком.

От резкого воздействия и болевых ощущений из карих глаз самопроизвольно брызнули слезы, а разбитый нос несильно закровоточил.

– Еще никто не смел перечить Баклану, – преступное имя одичалый незнакомец возвестил своеобразным, несколько необычным, способом.

Не лицезря воочию двух его соучастников, Азмира отлично разглядела представшего пред нею отвратного человека, едва ли достигшего тридцатилетнего возраста. Не выделяясь высоким ростом, чуть выше пленённой жертвы, он внушал некий неописуемый ужас и выделялся невзрачными признаками: нескладная фигура, не обделенная физической силой, скрывалась за чёрным спортивным костюмом; шершавые руки, словно заражённые какой-то кожной болезнью, постоянно искали чем бы заняться; светлокжее круглое лицо, испещрённое гниlostными язвами, обладало треугольным, резко выпиравшим вниз, подбородком; злые глаза, яркие и голубые, излучали и смертельный холод, и безумный огонь; большой нос, похожий на топор и заостренный к концу, оказался сведенным в левую сторону (вероятно, от сильных побоев?); бровей никаких не виделось вообще; толстые, влажные губы постоянно причмокивали; огромные уши, оттопыренные невиданной лопухостью, на концах случились заостренными, словно у натурального чёрта; лысая башка блестела липким и отвратительным потом.

– Ну-ка, братаны, давай-ка немного посторонись! – крикнул он противным, гнусавым голосом, придавая визгливую интонацию.

Как только его несложное приказание было исполнено и как только двое дружных помощников отошли от девушки в разные стороны, Баклан принялся прекрасную жертву безжалостно избивать, бездушно превращая в окровавленную уродину, отличающуюся обезображенным видом; он бил с невероятным остервенением, полностью отдаваясь кровожадному делу и целиком растворяясь в беспощадных эмоциях, мгновенно наполняющих ожесточённое сердце. Неуёмный отморозок успокоился не раньше, чем Азмира потеряла сознание, то есть когда она, покрытая объемными гематомами и противными синяками, не подавала признаков жизни. Двое расторопных подельников стояли немного поодаль, не смея беспокоить кровавого проводителя, и разумно помалкивали. Редкие прохожие, ещё издали завидев недвусмысленную картину, в тот же миг поворачивали обратно, стараясь как можно быстрее удалиться от кошмарного места (вмешиваться в разборки преступных группировок у нормальных людей в то страшное время было не принято).

Насладившись жестоким побоищем, чудовищный зверь, представленный в человеческом облике, с видимой неохотой отстранился от измочаленной девушки и резко окрикнул неотступных помощников:

– Давай-ка, бравые хлопцы, тащи ее к нам, на злочную базу!

Приученные неукоснительно исполнять любые грозные приказания, подручные соучастники подхватили безвольную жертву за ноги (первый за одну, второй за другую) и потащили так неестественно грубо, что бессознательная голова, касаясь обетованной земли, основательно билась затылочной частью.

– Вы чё, с дуба рухнули, «на...»?! – заорал возмущённый главарь словно резанный поросенок, увидев, как незадачливые сообщники неотвественно подходят к выполнению нетрудного поручения. – Вы, как ее, тупые дурни, несёте?! Убить, что ли, хотите, «на...»?! А ну, «на...», бери немного поаккуратней!

Послушные молодчики тем же мигом успешно перехватились, взяв бесчувственную красавицу намного участливее (за руки и за ноги), а дальше потащили ее способом, гораздо более сострадательным.

В то же самое время Костя-киллер разглядывал свой недешёвый iPhone, недоумевая, что же, в самом деле, творится? Минут десять назад с сотового номера Тагиевой поступил настойчивый вызов, но, включив его на прием, он не услышал знакомого милого голоса, а лишь какие-то смачные шлепки, хлёсткие удары, усердное кряхтение и беспощадные выкрики. В дополнение ко всему услышанному, он стал невольным свидетелем отчётливых приказаний, отдаваемых Бакланом и предназначенных подвластным пособникам. Но как же такое случилось возможным? Всё очень просто и совсем незатейливо: последний разговор, который, часом раньше, молодая путана провела по собственному смартфону, оказался подробным «докладом», представленным дотошному сутенёру и передававшим, что у них всё нормально (это происходило, когда тот сам ей позвонил и ненавязчиво вознамерился справиться, нет ли у них каких пожеланий). Закончив непродолжительное общение, она убрала мобильное устройство в неизменную сумочку, причём не закрывая последнюю страничку и машинально оставив ее в режиме прямого доступа. А дальше? Едва бешенный отморозок начал ожесточённое избиение, он тут же случайно задел тот разговорный приборчик, находившийся в дамском аксессуаре; ну, а в следующий миг пошел тот самый необъяснимый вызов, в результате которого Беркутов и сделался нечаянным очевидцем жестокого нападения, случившегося на подопечную проститутку.

– Это что сейчас было? – посмотрел он на Михайлова с туповатым недоумением. – Я с ней только-только, вот буквально недавно, беседовал, и она мне сказала, что у них вроде бы всё в полном «поряде»? Что, «...ее мать», непонятное поведение может значить?

– Может клиент какой попался чересчур агрессивный? – попытался домыслить огромный детина.

– Какой, «на хер», клиент?! – в неистовом бешенстве вскрикнул Костя. – Согласно ихнего же строгого графика, она уже отработала и должна отправляться до дому до хаты. С другой стороны, если даже и образовался какой внеплановый «съёмщик» – ну, так и что же? – все одно мы должны бросать все личные дела и быстрее-быстрого стремиться на срочную выручку. Ежели ты, большой тугодум, не забыл, за личную безопасность развратных девиц мы и примерно поручились, и взяли на себя прямую обязанность.

– Так чего мы тогда сидим? – поинтересовался Слон простодушно, но и делая лицо поистине зверским; он расторопно поднялся, собираясь на выход. – Пошли побыстрее разберёмся.

– Ага? – усмехнулся Константин, оскаливаясь зловещей гримасой. – И ты, наверное, знаешь, куда нам надо идти – ведь, да?

– Естественно, к ним на блудливую квартиру – там и разберемся, где ее стоит искать.

– Ты, Слон, просто меня поражаешь, – удивленный Беркутов выразительно оглядел тупого подельника, – какие простые, но подходящие мысли ты иногда выдаешь, – и закончил хвалебную речь народной поговоркой, своевременно пришедшей на ум, – глупый свиснет, а умный осмыслит.

– Чего-чего? – не понял Михайлов, что именно подразумевает его лукавый подельник.

– Ничего особенного, – отвечал Константин с хитрящей ухмылкой, – тебя это не касается... собирайся-ка лучше искать нашу самую ценную проститутку.

Стремглав выскочив из квартиры, снимаемой ими по случаю, первым делом они бросились в «приёмные апартаменты», где на очередную смену заступила небезызвестная Анжелика.

Тем временем Азмира, пробыв в недолговременном забытии, потихоньку очнулась. Выйдя из неприятного обморока, она обнаружила, что тело её, жестоко избитое, абсолютно раздето (даже трусов на ней не оставили), а сама она висит вниз головой, привязанная к бетонному потолку, и находится на какой-то законсервированной, полуразрушенной стройплощадке. В тот же самый момент, прямо напротив нее, расположившись на мягких автомобильных сидениях, вырванных из какой-то старой машины, перед неким подобием небольшого стола, величаво восседал беспардонный Баклан; а рядом с ним, по обоим бокам и чуть впереди, сидели его отмороженные подельники. Как оказалось, в итоге их было не двое, а целых трое. Выглядели они одинаково худыми, зато имели различия как в возрасте, так и в росте: самому старшему исполнилось чуть более тридцати, и он казался длиннее; остальные выглядели немногим старше лет двадцати. Все они облачались в тренировочные костюмы чёрного цвета; единственное, в отличие от мрачного главаря, их одеяния не исключали разнообразной расцветки.

Не обращая на очнувшуюся жертву никакого внимания, они увлечённо употребляли алкогольные жидкости, горячившие хулиганскую душу, а заодно и смачно покуривали наркотическую марихуану.

– Что будем делать с захваченной шлюхой? – спросил у главного «беспредельщика» тот, что сидел к ней спиной и выглядевший несколько старше. – «Кабыть», «трахнуть» ее – и в левый расход?

– Обязательно «трахнешь», Годзилла, но разве чуть позже, – злобно промолвил Баклан, гневно сверкая злобными «бёльмами», – сначала стрясем с нее наличные денежки, а потом можешь делать с ней всё, чего не захочешь, «на...». Если ты помнишь, мы нашли в ее сумке только пятнадцать тысяч рубликов, а это – возьмусь предположить? – лишь однодневная выручка. Теперь, «безмозглые остолопы», представьте, сколько она «зашибает» за месяц. В общем, надо у грязной шалавы забрать всю ее прибыль, «на...», в том числе и припрятанную, а потом заставить работать на нас. Вы как, спрошу я вас, себе разумеете, «на...»: где мы завтра будем брать насущных денег на сущую выпивку и прочую наркоту? Одним разбоем долго не проживешь. вспомните, «на...», сколько раз каждый, из здесь сидящих, побывал за решёткой? Еще раз охота, «на...»? Можете не отвечать: вижу, что нет, «на...». В таком случае теперь надо быть немного умнее: собрать всех местных «шаболд», «на...», под нашу бдительную опеку, и за счёт их неустанного «траха» припеваючи жить-поживать, «на...», ни в чём себе не отказывая и ни в чём не нуждаясь – весело и сердито! Ну как, верна ли мысль моя, «на...»?

– Да, – хором согласились безотказные соплеменники; в тот же момент они почему-то решили, что пришла пора открывать очередную бутылку, содержащую водку.

– Извините, – решилась заговорить Азмира, прекрасно понимая, что долго в висячем положении, да ещё и с сотрясением головного мозга, она провисеть не сможет, – но я – уже! – «хожу» под Костей-киллером. Если он вдруг узнает, как вы сейчас со мной обошлись, то останется вашим неразумным поступком очень расстроен; а в необузданном гневе – говоря его же словами – он становится попросту страшен.

– Лично мне вся твоя напыщенная белиберда, «на...», «по ровному барабану»! – бешено заорал «безбашенный» предводитель, сидевший к подвешенной пленнице вполоборота. – Я сам себе киллер, «на...», и могу «замочить» кого угодно, даже твоего «беспантового» Костю! – он встал, приблизился к голой жертве едва не вплотную, а присев на корточки, чтобы их лица оказались напротив, и брызгая из вонючего рта омерзительными слюнями, продолжил гневно орать: – Пусть приходит сюда, «на...» – я вмиг ему жирное брюхо вспорю и его же собственные

кишки на глупую башку зараз намотаю! Я «беспредельщик» Баклан, «на...» – и мне никто не указ!

Откуда-то из-за спины он извлек длинный, но тоненький нож и медленно повертел перед измочаленным тагиевским личиком, словно выбирая, какую его часть перво-наперво начать разрезать. В то же самое мгновение он услышал позади грубый, до дрожи убедительный, окрик:

– Вот я и здесь – можешь говорить, поганая гнида, чего захотел!

На уверенный возглас, прозвучавший настолько неожиданно, насколько остальные члены маленькой группировки повскакали с занимаемых мягких сидений и, пошатываясь на пьяных ногах, похватали, кто чего не успел: двое, в том числе и Годзилла, бейсбольные биты, а третий достал из кармана остроконечную «выкидуху».

– Ага!!! – заголосил остервенелый Баклан, делая лицо пунцовым, едва ли не чёрным. – Давай нападай, «на...» – посмотрим, что ты за Киллер?! Я сейчас твои вонючие гениталии вырежу, «на...», и заставлю их проглотить в моем же присутствии!

– Не поймавши ясного сокола, а уже безраздельно хвастаешь! – крикнул Беркутов, давая отмашку большому компаньону, что пришла пора решительно действовать; сам он бросился прямо на мерзкого главаря, представлявшего конкурентное общество.

Следующее Костино действие, по-видимому, явилось для лысого отморозка полностью неожиданным – когда он, сделав резкий замах основной рукой, разложил складную металлическую дубинку, сделанную по принципу телескопической удочки. Не давая озлобленному противнику хоть немного опомниться и произвести сообразную рокировку, предприимчивый сутенёр подлетел к нему резко, словно бы майский вихрь, одновременно ударяя нехитрым орудием по правой ладони, сжимающей нож. Любой нормальный человек от нестерпимого, болезненного воздействия, конечно, разжал бы жёсткий захват и уронил остроконечное лезвие – но только не законченный «беспредельщик»! Он будто бы и не чувствовал чудовищной боли, и смог не просто удержать обнажённый клинок, но и перешел в активное нападение, тычковым движением попав Косте в левое плечо, чуть выше сердца. Не оставив существенный выпад без должной реакции, Беркутов успел увести поражаемое место несколько в сторону, и резко назад, получив лишь касательное ранение; оно не явилось слишком опасным, во всяком случае, хотя и образовало широкую, длинную рану, но сильно не кровоточило. В секунду оценив возникшую ситуацию, отчаянный защитник жрицы-любви сделал из указательного и среднего пальца левой ладони комбинацию буквы «V», а следом, в тот момент, когда Баклан собирался произвести очередное нападение острым ножом, резким движением воткнул собранную фигуру прямо в его беззащитные глаза. Наконец удалось достигнуть желаемого эффекта: отмороженный неприятель отпрыгнул назад, не довершив опасного попадания; напротив, он оказался временно деморализован и замотал бездумной башкой словно телок, отгонявший надоедливых мух. Пока он уподоблено бычился, эффектным пинком, произведенным системой «ножницы» (в прыжке левая согнута в колене, правая стремится вперед), Константин сбил неуёмного противника с ног. Немедля набросившись сверху, он прижал ему руку, сжимавшую ножевое лезвие к бетонному полу; одновременно, применяя своеобразную дубинку, Киллер наносил многочисленные удары по лысой голове и по безобразному лицу ненавистного недруга, постепенно и целенаправленно превращая их в сплошное кровавое месиво.

В это же самое время его огромный товарищ расправлялся с остальными троими, более худыми, противниками. Рассказывая вкратце о его непродолжительном поединке, следует отметить, что ему не составило особенного труда мощной зуботычиной безразмерного кулака, напоминавшего большую кувалду, превратить лицо первого, кто посмел прыгнуть в его массивную сторону, в нечто бесформенно синее, заодно заставив надолго распротиться с сознанием. Однако, отвлекаясь на одного, он совсем упустил из виду, как второй, вооруженный стальным ножом, приблизился к нему с правого бока и нанёс прямой удар, направленный в межребер-

ный отдел необозримого корпуса. Напряжением всех литых мускулов Михайлов не позволил клинку углубиться достаточно глубоко; одновременно он перевёл громадное туловище лицом к нападавшему смертнику и наотмашь ударил по необдуманной голове... слышался хруст трещавшего черепа, и молодой парнишка, неприятно «хрюкнув», безвольно осел и сей же миг, испуская мятежный дух, мёртвый, повалился на бетонное половое покрытие. Но оставался ещё Годзилла, вооруженный деревянной дубиной. Тот прекрасно понимал, что в любом случае, раз он набрался неопишуемой смелости ввязаться в опасное дело, милосердной пощады допроситься у них не получится. Поэтому в тот момент, когда первый временно лежал без сознания, а второй насовсем умирал, он с бешеным криком «Убью, "вонючая тварь"!», кидался вперед, двигаясь напрямик на Слона и с силой размахиваясь прочным орудием; он целился в безразмерную голову, и нехилый удар пришелся точно по выбранной цели. Обыкновенный человек, не наделенный диковинной мощью, от полученного воздействия непременно получил бы черепно-мозговую травму; но... только не необъятный верзила, которого природа обделила пытливым умом, зато наградила непробиваемой твердолобостью как в прямом, так и иносказательном смысле (другими словами, будь бейсбольная бита несколько тоньше, то она бы непременно сломалась). Итак, звероподобный детина остался прочно стоять на ногах, перегруппировавшись напряженным вниманием на единственного противника, пока еще не выведенного из состояния равновесия. Алексей медленно надвигался на последнего неприятеля, в бешенстве раздувая бизоньи ноздри и вода «железными» желваками; как у быка, увидевшего красную тряпку, неменяемые глаза его вмиг наполнились кровавым оттенком. Годзилла замахнулся для второго удара, но, хорошо помня никчемный эффект от первого, наносить его не спешил, неторопливо отступая назад, пока спиной не уперся в деловитого Константина, не менее беспощадного и выросшего словно из неоткуда. Непринужденно, но и уверенно взявшись твердой ладонью за деревянную часть, «учтивый» сутенёр предоставил Слону довершать убойное дело. Обхватив остатнюю жертву двумя руками за бесшабашную голову, тот резким, доведённым движением, направленным сначала влево, а затем резко возвращенным направо, закончил жизненный путь очередного неразумного «беспредельщика». Далее, Михайлов вернулся к первому нападавшему отморожку, так и лежавшему без видимого движения, но все же пока живому, и проделал аналогичную операцию.

Закончив с презренными ворогами, и Костя-киллер и верный подельник наконец-то занялись измученной подопечной красавицей. Освободив избитую девушку от витиеватой веревки, они аккуратно опустили ее на бетонированные полы и позволили минут пяток полежать, давая время немного прийти в себя. Когда она, корчась от нестерпимой боли, сумела неловко присесть, Беркутов, глядя на иссиня-чёрное туловище, подошел к поверженному Баклану, недавно чрезмерно геройскому, а сейчас измочаленному железной дубинкой; тот пускал кровавые пузыри. Без зазрения совести по-пацански распорядился:

– Вот твой прямой обидчик, Азмира, можешь делать с ним, чего не захочешь. Возьми любой предмет, какой пожелаешь – нож, бейсбольную битку, мою металлическую дубинку – и убей поганую, мерзкую гниду.

– Нет, я не могу, – «потерянным» голосом, но с гордо вскинутой головой ответила несломленная особа, – я не убийца.

– Дело твоё, – одобрительно заключил Константин и, подойдя к окровавленному врагу, повторил с ним все те же нехитрые действия, что Михайлов недавно проделал с его скончавшимися подельниками; не позабыл он поделиться и напутственной фразой, для злобного негодя ставшей последней: – Не стоит алтына, а тянется за полтиной.

Глава X. Новый возлюбленный

Теперь надлежит разобраться, как же преступные приятели подоспели в самое нужное время. Забежав в «приемные апартаменты» подопечных красавиц, они, не обращая внимания, что Анжелика принимала состоятельного клиента, вызвали ее в коридор и обстоятельно расспросили, куда последовала Азмира. Едва лишь выяснив основную дорогу до дома, оба напористых парня незамедлительно устремились вдогонку.

Прибыв на узенькую тропинку, где и происходил зловещий захват, Костя первым делом внимательно осмотрел ближайшую территорию. Он безошибочно рассчитал, что вначале её подвергли жестокому избиению, а потом, доведя до бессознательного беспамятства, волоком утащили прочь, продвигаясь напрямиком через кустистые заросли.

– Живая ли она еще, интересно? – промолвил Беркутов, пытаясь сопоставить истинное направление, куда скрылись вероломные нелюди. – Любопытно, в какую конкретно потайную «норку» ее понесли?

– Не знаю, – честно признался Михайлов, полностью надеясь на более умного предводителя, – может, убили и бросили где-то в окрестных кустах?

– Нет, – убедительно возразил Константин, вмиг сообразивший, что, мёртвая, похищенная красавица никому не нужна, – навряд ли?.. Постой-ка! – он вдруг как будто бы что-то вспомнил. – Есть тут неподалеку одна строительная «заброшка», и я возьмусь предугадать, что именно она-то и является наиболее удобным местечком... Побежали быстрее туда!

Только сказав, оба неразлучных приятеля бросились в озвученном направлении, и, как известно, прибыли кстати. Расправившись с осатанелыми отморозками, посмеявшись бросить неслыханный вызов, и освободив избитую девушку, они принялись размышлять во что бы можно её одеть (бесцеремонные мучители разорвали на ней носимую одежонку и мелкими клочками разбросали по ближней округе).

– Вволю поглумились, проклятые твари, – зло прошептал Константин, а следом принял единственно правильное решение: – Слон оставайся-ка с ней, и любого, кто вознамерится к ней приблизиться, сразу убей. Я пока сбегая к ней до дому до хаты – благо недалеко – и принесу ей хоть какие-то приличные шмотки.

Выслушав преданного сподвижника, что тот понял его отчётливо, сообразно, прекрасно, Костя-киллер так-таки уточнил, где подопечная путана (она находилась словно в глубокой прострации) хранит личные дамские принадлежности, после чего бегом отправился к убогому дому. Несмотря на грудное ранение (которое, к счастью, лишь едва-едва кровоточило), чувствовал он себя если и не отменно, то в целом приемлемо, поэтому добежал за считанные минуты. Встретил его полупьяный отец. Подзуживаемый зловредной бабкой-соседкой, он вначале ни за что не хотел нежданного гостя впускать, но, после того как тот чрезвычайно доходчиво ему объяснил – кто именно! – посмел его навестить, поспешно пригласил опасного человека проследовать внутрь.

– Ты всё ещё живой, «старый пенёк»? – заметил бессовестный посетитель, озарившись нагловатой ухмылкой. – Всё, тупой ушлёпок, кончилась твоя беспробудная пьянка – готовься, запойный придурок на скорую кодировку. Считаю, хватит безответственным поведением мучить достойную дочку... Где она складировает девчачьи вещички?

– Там, в своей комнате, под навесным замком, – промолвил нерадивый родитель, указывая на самодельную стенку и на установленную в ней хлипкую дверцу.

Одним резким движением Константин сорвал нестойкую конструкцию с непрочных навесок и зашел в миниатюрную комнатку, где и нашел необходимые принадлежности. Вернувшись назад, вместе с неразлучным сподвижником помогли Тагиевой облачиться в доставлен-

ные одежды, а затем, значительно успокоившись, обратили внимание на возлежавших покойников.

– Что с бывшими-то отморозками будем поделывать? – поинтересовался звероподобный детина, когда избитая брюнетка прилично оделась и когда появился шанс убраться со стрёмного побоища подальше. – Здесь похороним или куда отвезём?

– Извини, но, «на хера», спрашивается, оно нам нужно? – справедливо рассудил более умудрённый подельник. – Здесь и без того всё понятно: отмороженные «беспредельщики» перепились креплённым вином, вдогонку обкурились конопляною «травкой», враз перессорились, остервенело передрались, а потом, не удовлетворенные обыкновенным «мáхачем», друг друга поочередно поубивали – чего ж тут неясного? Вот тот, скажем, бил этого, а тот другого, и наоборот, – говорил он, стаскивая мёртвые тела как можно поближе.

– И одновременно свернули всем головы? – несмотря на сотрясение головного мозга, вставила Азмира разумное замечание.

– Один, самый последний, мог убежать, – мгновенно нашелся Беркутов, что лучше ответить смысленной красавице, превращённой в немыслимое страшилище. – Короче, лично мне возиться с вонючей падалью совсем неохота – уж слишком их много! Пусть тупоумные «бездельники-менты» убираются, тем более что им появиться здесь просто необходимо. Почему? Судя по тому очевидному обстоятельству, как нынешние мертвецы, прежде чем сделаться недвижимыми покойниками, тут обжились, в это захоластное местечко давно уже никто не заглядывал.

Закончив недолгие размышления, Константин (разумеется, не без помощи верного друга) помог измочаленной Тагиевой добраться до отчего дома, где ее бережно уложили в полоторную кровать.

– В больничку не обращай, – дал он ей перед уходом ответственное напутствие, – я пришлю к тебе обходительную санитарку-сиделку; а то... как бы нас в «мусарню» «не замели».

Беркутов выполнил все словесные обещания, касавшиеся в тот день простой российской семьи: измочаленной проститутке организовал должную медицинскую помощь, а опустившегося папашу-пропойцу отправил на стационарное излечение в наркологический диспансер. По выходу предусмотрительный бандит заставил Рината быть постоянно при нём, приняв на штатную «должность» неотъемлемого шофера; он организовал ему «завидное трудоустройство», поскольку у того еще с ранней молодости имелись водительские права (а Костя-киллер мог уже позволить себе личный автомобиль, хотя и подержанный, но всё-таки иностранный).

За две недели Азмира полностью оправилась от жестоких побоев, нанесенных безумным Бакланом; лечение, как и было обещано, оказалось профессиональным, причем получала она его напрямую на дому, и от очень квалифицированного специалиста, отличавшегося уникальным достоинством – за определённую плату он не имел дурной привычки распускать болтливый язык. Идти на «грязную работу» страсть бы как не хотелось, тем более что непутевый папаша больше не пил, а сам состоял на неотступной службе у главного сутенёра Иваново; но она считала себя Константиною обязанной, да и он по ровному счёту думал всецело аналогично. Словом, вопреки огромному нежеланию, пришлось сразу же отправляться отрабатывать благополучное избавление.

Пока она отдыхала, остальные «девочки» несли развратную «повинность», разделив ее порочную «смену» между собой. Поэтому в первый же день ей досталось наиболее горячее время, установленное с шести до двенадцати вечера. Заблаговременно переодевшись в привлекательное белье, она ждала очередного клиента, напросившегося в «приёмные апартаменты» ровно на восемнадцать часов. Он задержался на десять минут. В покорном ожидании, расположившись на двуспальной кровати, разряженная красотка оставила дверь в квартиру открытой, а сама предавалась печальным мечтаниям. Как и обычно в последнее время, она думала о несостоявшемся женихе, с грустью вспоминая те сладостные минуты, что им представились зло-

счастливой судьбой, обошедшейся несправедливо жестоко. Она вот-вот уже хотела было пустить скупую слезу, как (вдруг!) в комнату вошел знакомый человек, от одного вида которого Тагиева невольно остолбенела и, единственное, на что решилась, выдавила из себя его полное имя:

– Вячеслав Александрович?..

– Ошибаетесь, милая девушка, – расплываясь в весёлой улыбке, промолвил доброжелательный посетитель, – я Владислав Александрович. А Вячеслав? Он брат мой, близнец. Но можешь не беспокоиться, – сделал пронизательный мужчина несложный вывод, основываясь на увиденном испуганном взоре, – если тебя с ним что-то связывает, мы с ним давно не общались; а самое, в наших отношениях, главное – у нас с ним ничего не имеется общего.

Посетивший человек мало чем отличался от несостоявшегося свёкра-полковника, за исключением единственного условия: он казался более покладистым и выделялся добрым и чувственным отношением. Несмотря на простодушные качества, не отмечавшиеся излишними амбициями, состоятельный мужчина сумел добиться неплохих результатов в предпринимательской деятельности и заведовал строительным бизнесом, оказавшимся в Ивановской области одним из самых прибыльных; помимо прочего, он имел ряд респектабельных ресторанов, в том числе и в российской столице. Со вторым близнецом они действительно не общались (как просветил) из-за огромных жизненных разногласий: принципиальный офицер-полицейский, оказавшийся старшим (он родился на пару часов пораньше), считал себя благородным, а соответственно, полагал, что будет ниже собственного достоинства признавать родным человека, построившего баснословное состояние на низком коварстве, подлой лжи, циничном обмане.

Постепенно Азмира (их близкое общение так и продолжилось) сама и не заметила, как неосознанно попала в вероломные сети безграничной любви, незадачливо расставленные обаятельным, а главное доброжелательным, человеком; с каждой новой встречей она становилась с ним ближе и ближе. Через полторы недели, прошедшие после их знакового знакомства, Холод «купил» Тагиеву на целых трое суток и увёз несравненную красавицу в центральный российский город. Там он целенаправленно водил по различным развлекательным заведениям и показал потрясённой брюнетке совершенно иную жизнь, всесторонне отличную от прежней, что знала бедная девушка несколько ранее. Неудивительно, что прямо в первую же ночь столичного пребывания она, спрятавшись в изысканной ванной, предалась безудержным, горьким рыданиям, вызванным безукоризненным видом сказочного великолепия. Владик (к тому времени влюбленная проститутка называла его именно так) не на шутку забеспокоился, причем пришлось даже вызвать гостиничного метрдотеля, чтобы тот организовывал срочную выломку отдельной преграды. К общему удовольствию, Тагиева, чуть успокоившись, самолично вышла наружу, представив на общее обозрение заплаканные глаза, наполненные грустившей печалью.

С течением времени бывшего поклонника она вспоминала все реже, целиком растворившись в волнительном чувстве, возникшем к ближайшему родственнику. С Владиславом они встречались, наоборот, всё чаще и давно уже не использовали элементарных средств предохранительной контрацепции. Как и следовало ожидать, по прошествии недолгого месяца организм молодой особы возвестил о происходивших в нём значимых изменениях: в ней зарождалась новая жизнь (чему сама Азмира была нескончаемо рада!). Младенец еще не родился, а она уже боготворила его всем материнским сердцем, отчетливо понимая, что он был зачат от нескончаемо любимого человека.

Не зная мыслимого предела безграничному счастью (едва определилась с интересным положением, непременно для каждой нормальной девушки), Тагиева ждала теперь одного: очередного визита возлюбленного мужчины, чтобы поделиться с ним радостной новостью. Но?.. Прошла неделя, другая, а он всё так и не появлялся. Наконец, погожим сентябрьским днём ивановский предприниматель появился внезапно, когда молодая путана на его случайный визит никак не рассчитывала, – приехал без предварительного звонка, заявившись поздней ночью, когда все давно уже спали. Постучав в квартирную дверь, где ютилась прекрасная

из красавиц, он долго не мог дождаться, пока ему в конечном счёте откроют; вначале ему пришлось выслушивать недовольное ворчание престарелой соседки, доносившееся из отдалённой комнаты, расположенной внутри убогого помещения. В тот же самый момент уставшая проститутка, утомившаяся в «непосильных трудах», находилась в крошечном закутке и спала настолько крепко и глубоко, что не слышала ничего, что происходило в домашней округе. Отец ее, как и всегда в последнее время, неотступно находился подле новоявленного работодателя, который не отпускал его ни на шаг (поступал так Костя-Киллер не только, чтобы тот не «набрался», но подразумевая его наличное присутствие, ежели срочно придется куда-то доехать). Поэтому единственная надежда полуночного визитера оставалась на «скрипевшую» в недовольстве злую старуху.

Еле-еле перебирая старческими ногами и вспоминая все неприличные слова, какие за долгую жизнь ей стали известны, престарелая хозяйка кое-как приблизилась к массивной двери, прислонила к ней жалкое ухо и надсадным голосом проворчала:

– Кого ещё покойные черти на утлой метле принесли? На часы-то смотрели?

– Извините, добрая бабушка, – отвечал ей продуманный бизнесмен предусмотрительно вежливо, – откройте, пожалуйста. Мне нужно к Вашей соседке – для нас это очень важно.

– Мне что с того? – возразила престарелая женщина, продолжая выдерживать прочную оборону. – Нечего шастать здесь по ночам – приходи утром и спокойно общайся. Ей завтра не «на работу», хи-хи, и она будет дома, – она с язвительной зловерностью захихикала.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.